

В. ГРУСЛАНОВ, М. ЛОБОДИН

СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ

БИБЛИОТЕКА СОЛДАТА И МАТРОСА

В. ГРУСЛАНОВ, М. ЛОБОДИН

СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ

РАССКАЗЫ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1955

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Шпага Суворова	3
Серебряные трубы	50
Во славу русского воинства	63
Дорогая награда	70
Измаильские пушки	80
Кочующий памятник	91
Суворовский рубль	107
Орлиное гнездо	128

Редактор *Ильинская Ф. А.*

Художник *Котляров Л. С.*

Технический редактор *Сорокин В. В.*

Корректор *Заозерская М. А.*

Сдано в набор 23.12.54.

Подписано к печати 3.3.55.

Формат бумаги 70×108¹/₃₂ — 4¹/₂ печ. л. = 6,17 уел. печ. л. = 6,431 уч.-изд. л.

Г-12036.

Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР

Москва, Тверской переулок, 18.

Изд. № 17792. Зак. 565.

1-я типография имени С. К. Тимошенко

Управления Военного Издательства Министерства Обороны Союза ССР

Цена 1 р. 95 к.

ШПАГА СУВОРОВА

НАЧАЛО ИСТОРИИ

По поручению Военно-исторического музея я отыскивал личные вещи великого русского полководца.

В 1938 году мне пришлось побывать у правнучки Суворова — Апполинии Сергеевны. Несмотря на пожилой возраст, она выглядела бодрой, быстрой в движениях женщиной.

Апполиния Сергеевна встретила меня приветливо. Она обладала хорошей памятью, и беседа со старушкой доставила мне радость.

Я наведал ее несколько раз и услышал много интересного о Суворове. Она знала семейные легенды о нем и передавала их с большой живостью и теплотой.

— Послушайте еще одну историю, — обратилась как-то Апполиния Сергеевна ко мне, начиная новый рассказ:

«Василий Иванович Суворов, отец моего прадеда, служил денщиком у Петра Великого. Он хорошо знал тяготы военной службы и ни за что не хотел, чтобы слабый здоровьем его сын Александр стал военным.

А сын с небывалым упорством добивался разрешения начать военную службу. Он требовал, чтобы его записали в полк: о гражданской службе не хотел и слышать.

Не скоро бы закончился этот спор. Но вздумал навестить своего крестника — Александра Суворова — Абрам

Петрович Ганнибал — старый генерал-аншеф, знаменитый арап Петра Великого.

Вошел Абрам Петрович в комнату мальчика и видит: на полу разложены географические карты, а на них выстроились игрушечные солдатики. И маленький Александр Суворов шагает по картам через горы, реки и леса.

В руках у него толстая книга. Он прочитывает в ней несколько строк, задумывается и переставляет на карте фигурки солдат. Снова смотрит в книгу и опять двигает свое войско.

Мальчик одобряет действия солдат, когда те продвигаются вперед, и порицает их, когда они, его же рукой, отводятся назад.

Долго стоял Абрам Петрович в комнате крестника: смотрел и слушал. Потом он подошел к Александру, взял у него из рук горсть оловянных солдат и, кряхтя, опустился на устланный картами пол.

Мальчик молча смотрел на Ганнибала.

Абрам Петрович поставил своих солдат на правое крыло наступавшей армии.

Александр взглянул удивленно на старого генерала и произнес тихо, но твердо:

— Я захожу слева направо и левое крыло сбиваю. Иду на окружение неприятеля.

— Так что же? — спросил Абрам Петрович.

— А то, что полководец бросает силы на правое крыло противника и отвлекает его внимание от левого крыла. Внезапность и неожиданность — союзники смелых, — объяснил, сверкая глазами, Александр.

Разыгралась величайшая битва, и Абрам Петрович вынужден был сдаться.

Александр Суворов победил Ганнибала.

Внимательно выслушал Абрам Петрович «тяжбу» своего любимца с отцом, но своего мнения сразу не сказал, сославшись на то, что обдумает всё на досуге и дня через три пришлет ответ.

К исходу третьего дня прикатил от старого генерала слуга и передал Василию Ивановичу подарок для крестника.

— Абрам Петрович велел сказать, что письма не будет. А как поймет Василий Иванович подарок, так и поступит, — отрапортовал слуга.

Отец Александра развернул пакет.

В куске узорчатого бархата лежал палаш, а на нем надпись латинскими буквами: «Петр Первый».

Узнал Василий Иванович палаш. Сам Петр Великий подарил его Ганнибалу за отвагу в боях.

Поцеловал Василий Иванович рукоять палаша и молча передал его сыну. Александру тогда шел двенадцатый год.

Решение было принято. Василий Иванович съездил к командиру Семеновского гвардейского полка и записал сына в полк рядовым.

Палаш петровских времен передавался в нашем роду, — сказала Апполинурия Сергеевна, — из поколения в поколение. Он, вместе с другими вещами Александра Васильевича, хранился у нас в семье до 1914 года».

Много раз я навещал Апполинурию Сергеевну и никогда не уходил от нее, не узнав чего-нибудь нового о Суворове. Однажды она рассказала мне историю шпаги, с которой прадед провел свой последний поход.

«У нашего прадеда хранилось много шпаг, — говорила Апполинурия Сергеевна. — Одни он получил за отвагу и храбрость, другие — за освобождение занятых неприятельскими войсками городов.

Однажды, в Италию, депутация от города Турина поднесла прадеду золотую шпагу, осыпанную драгоценными камнями. На ее клинке оружейники вычеканили благодарственную надпись: «Фельдмаршалу российских и австрийских войск — А. В. Суворову — освободителю Турина».

Но прадед особенно любил одну шпагу. По семейным преданиям, он получил ее от Екатерины Второй.

Года через два после взятия русскими войсками Берлина Суворова послали в Петербург. Он привез донесение об окончании военных операций в Пруссии.

До Петербурга уже дошла весть о молодом Суворове — храбром и способном подполковнике. Из уст в уста передавались истории о его смелых налетах на войска прусского короля.

То он врзался со своим кавалерийским отрядом в растянутый на походе прусский корпус и, нанеся противнику урон, исчезал так же внезапно, как и появлялся. То, удивляя видавших виды ветеранов бесстрашием и удалью, задерживал стремительными набегами натиск неприятельских колонн.

Всегда подполковник Суворов находился в первых рядах солдат, руководил боем лично, хотя по должности начальника штаба корпуса мог найти более безопасное место.

— Лихой командир! — говорили о нем бывалые солдаты, служившие в войсках по двадцати, двадцати пяти лет. — Глаз имеет наметанный, острый! Чуть где приметит у неприятеля слабинку, так и ломит туда.

С тремя батальонами солдат Суворов однажды разбил городские ворота прусского города Гольнау. Артиллерийский огонь защитникам города не помог. Гренадеры, со своим командиром впереди, ворвались в город и погнали вражеских солдат за городские ворота, за мост, до самого лагеря, где было «...побито и взято много в плен», — доносил в штаб победитель.

Посылая представление об отличившихся, командующий писал о подполковнике Суворове: «...хотя в пехотном полку считаетца, однако... склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте получил».

А главнокомандующий добавил: «...себя перед прочими гораздо отличил».

Прочитав донесение командующего, Екатерина произвела Суворова в полковники и назначила его командиром пехотного полка,

Прошло немного времени. Суздальский полк, под командой полковника Суворова, отличился на смотре. Его солдаты и офицеры, обученные новым правилам, далеко оставили позади себя другие полки.

Солдаты получили за проявленные успехи по серебряному рублю, офицеры — награды, а наш прадед за отличную выучку солдат и умелое руководство полком — шпагу с позолоченной рукоятью.

Неведомый мастер украсил клинок шпаги рисунками и отчеканил старинную, в духе того времени, надпись:

*«Визит, Екатерина Великая!
Богу! Отчеству!»*

Небольшая по размерам шпага отличалась такой легкостью, что ею мог свободно владеть подросток. Ее не украшали ни драгоценные камни, ни золотая или серебряная вязь. Помню, позолота покрывала ее рукоять, да и то чуть-чуть.

До нас дошли слова прадеда: «Взять мою шпагу в руки легко, а вот нести ее со славой — труд тяжкий».

В нашей семье существовало такое правило. Каждый мальчик — внук или правнук Суворова — с детских лет готовился к военной службе. В день, когда мальчику исполнилось шесть лет, он должен был взять в руку шпагу прадеда, взмахнуть ею раз-другой и ударить воображаемого врага.

Мы упорно верили, что, чем раньше ребенок это сделает, тем успешнее пойдет его военная карьера. Конечно, это смешно, но таков человек: сам выдумает, сам и верит.

Никогда не забуду переполоха, наделанного моим племянником Николаем.

Сейчас он — офицер флота, а тогда ему только что исполнилось шесть лет. Он рос крепким, здоровым мальчиком, любознательным и упорным.

Наслушавшись рассказов о прадеде, Николай, тайком от старших, снял со стены заветную шпагу, выбежал вместе с гостившими у нас мальчуганами-сверстниками на двор и

скоро отыскал своего первого в жизни «врага». Во главе стайки кур важно выступал петух.

Мальчик замахнулся шпагой, но, не рассчитав удара, споткнулся и, падая, с силой ударил ею о камень.

Смелый бросок Николая вперед, его решительный взмах шпагой ошеломили надменную птицу. Ее воинственно топорщившиеся перья поникли. Петух, забыв про своих кур, убежал в дальний угол двора.

Поднялся Николай с разбитым коленом. Он досадовал, но не плакал. На шпаге появилась большая зазубрина. Еще немного — и клинок сломался бы. Так «петушиный» бой окончился плачевно. Николая наказали, а шпагу заперли на «семь замков»

Я слушал рассказ Апполинарии Сергеевны и больше всего боялся, что она прервет свои воспоминания.

Догадавшись о причине моего волнения, она, не дожидаясь вопросов, продолжала:

«В 1914 году ко мне на квартиру приехал командир Семеновского полка. Приближался полковой праздник, которая-то годовщина со дня основания полка. Командир просил передать полковому музею что-нибудь из личных вещей великого полководца: ведь наш прадед начинал свою военную службу в этом полку.

Там, говорят в народе, он получил свою первую награду — серебряный рубль. Там присвоили ему и первые воинские звания. Там произвели его в офицеры. Девять первых лет его военной службы связаны с Семеновским полком.

Отобрали мы для полкового музея палаш, который подарил нашему прадеду Ганнибал, несколько орденов, два-три кубка, вазу и боевую шпагу. С нею Суворов прошел итальянский и швейцарский походы.

На семейном совете решили передать музею большой кремневый пистолет. Александр Васильевич ценил его за меткий бой и возил с собой в поход. На пистолете стояло фабричное клеймо: «Тула. 1789 год». Суворов любил русское оружие и доверял ему.

Спустя несколько дней к нам пришли офицеры Семеновского полка, и мы передали им отобранные накануне вещи».

Апполинурия Сергеевна приумолкла, как бы собираясь с мыслями, и снова повела свой рассказ:

— Весть о шпаге Суворова разнеслась по полку. Солдаты и офицеры с глубоким чувством смотрели на шпагу отважного полководца. Она лежала под стеклом в витрине полкового музея. Ее обрамляли широкие георгиевские ленты.

Прошло совсем немного времени после передачи вещей полковому музею, как началась мировая война.

Дальше события развивались стремительно.

— А шпага, где шпага? — прервал я ее, не замечая неловкости своего поступка.

Апполинурия Сергеевна укоризненно посмотрела на меня.

— Ох, и истерпеливый вы! — сказала она. — Шпага пропала! Справлялись мы. Вещи полкового музея в 1919 году передали Военно-историческому музею.

— Так, значит, шпага Суворова там? — почти вскрикнул я.

— В том-то и дело, что там ее нет, — спокойно ответила Апполинурия Сергеевна. — Всё, вплоть до самых мелочей, сохранилось в целости и поступило в музей.

Не нашлось только нескольких вещей, подаренных нами полковому музею, и среди них — боевой шпаги прадеда. Но куда они делись? Где находятся сейчас? Сохранились ли? Об этом никто ничего не знает.

ГОДЫ УСИЛИЙ

Рассказ правнучки Суворова произвел на меня сильное впечатление. Мне вспомнилась одна давняя, забытая мною история.

В конце двадцатых годов я проходил сбор командиров запаса. На него явились люди моего возраста — жители Ленинграда.

В перерывах между занятиями я разговаривал с ними о военной службе до революции. На учебных сборах это делалось легко. Здесь все знакомы друг с другом, все объединены званием красных командиров.

— Эх ты, лейб-гвардия в отставке! — весело говорил один командир своему товарищу.

— Да ты что пристал ко мне? — отвечал ему второй. — Сам-то ты тоже в Семеновском полку кашу ел.

— А что, товарищи командиры, — вмешался я в их разговор, — много лет вы служили в Семеновском полку?

— Да чуть поменьше ста годов, — ответил мне шуткой первый. — Служил я в нем всего год с месяцем, — продолжал он уже серьезно, — а выслужил три года военной тюрьмы.

— А не случилось ли вам бывать в полковом музее? — задал я вопрос и насторожился.

— Как же, случалось! — ответил он. — И не один раз.

— Да и я бывал, — сказал второй. — Водили нас туда. Знамена там разные, наши и трофейные, оружие, суворовские вещи: портреты, ордена, костюмы, книги старинные...

— А личное оружие Суворова? — настойчиво спросил я командира. — Не помните?.. Личное?.. Должно быть!

— Как же! Было! Помнишь? — обратился он к своему товарищу.

— Помню! Ох, как помню! — ответил тот усмехаясь. — С него-то у меня и пошли нелады с унтером. Началось «баталией», закончилось «конфузией», как говорил Суворов.

Я попросил командира вспомнить подробнее о своей «конфузии».

— Дело давнее, — махнул он рукой, но стал рассказывать:

«В 1914 году, за несколько дней до войны, привезли в полковой музей подарок — правнуки Суворова передали полку личные вещи полководца. Взводный рассказал нам о Суворове, — да кто из солдат сам не знал о нем?

Солдаты хорошо помнили его поговорки: «Трудно в ученье — легко в походе», «Тебе, служивый, тяжело, а ты шаг, другой сделай, всё ближе к цели», «Сам погибай, а товарища выручай». Вспомнишь их — и легче станет.

А сколько сказов о нем сохранили старые солдаты, сколько песен пели! И песни всё веселые, под шаг солдатский, чтобы идти легче.

Как-то привели нас в полковой музей. Оружия там всякого было множество: шпаги и сабли, палаши и пистолеты, ружья и карабины...

В музее один капитан объяснял, чем знаменито это оружие.

Под конец привели нас к витрине. В ней под стеклом лежала боевая шпага Суворова. С нею он прошел свой последний поход по швейцарским горам.

Долго я смотрел на шпагу, и захотелось мне взять ее и подержать в своих руках, проверить, правда ли в ней сила большая. Я знал: делать этого нельзя. Но на меня накатило. Не подумайте, что баловство какое, нет, просто не мог удержаться. Капитан отошел к трофейным знаменам, солдаты пошли за ним, а я приподнял стекло, да за рукоять шпаги и взялся.

— Куда тянешь? — услышал я голос унтера. — Господин капитан, — рявкнул он, — тут рядовой беззаконие творит!

Пошел капитан. Унтер доложил о моем проступке.

В большом смущении объяснил я, как мне захотелось проверить силу, заложенную в суворовской шпаге. Попробовать хотел, выдержу ли ее.

Капитан, для порядка, сделал мне замечание, и осмотр суворовских вещей продолжался.

Но унтер с тех пор стал ко мне придирааться.

— Ты силу хотел проверить! Я тебе покажу силу... Ты у меня попробуешь! — и при этом грозил мне кулаком.

Несколько дней я терпел, но как-то не выдержал. Хотел унтер добраться до моего уха... А я размахнулся и гляжу: он не то трепака откалывает, не то на плацу что-то ищет.

Пришлось мне тюремную лямку тянуть. Как же мне не помнить полкового музея! Как не помнить шпаги Суворова!» — шутливо закончил командир.

Вы должны понять мое состояние, когда я слушал бывших солдат Семеновского полка. Они рассказывали о полковом музее мельчайшие подробности, но ни один, ни другой не знали дальнейшей судьбы суворовских вещей. Спустя год оба оказались на фронте. Здесь они снова встретились, прошли героической дорогой гражданской войны, стали командирами.

Они не могли сказать мне, где находится теперь шпага, но я знал: ее найдут и положат, как славу и гордость нашей Родины, в светлых залах музея.

В своем воображении я видел этот музей, сверху льются волны света и освещают витрину со шпагой Суворова.

Зал украшен барельефами, изображающими боевую жизнь суворовских чудо-богатырей — солдат русской армии. Со стен свисают овейные пороховым дымом, изорванные осколками ядер, пробитые пулями, боевые знамена суворовских полков.

По углам стоят захваченные в жарких сражениях прусские, турецкие, французские знамена, бунчуки, пушки, литавры, барабаны.

На другой день после разговора с Апполинарией Сергеевой, придя на работу в музей, я утром пошел к секретарю партийной организации музея — полковнику Воробьеву. Большую часть своей жизни он провел в рядах Советской Армии, а последние годы работал в музее, занимаясь изучением военной истории родной страны. Аккуратный, трудолюбивый, приветливый в обращении, принципиальный в спорах, он служил примером для окружающих.

Секретарь внимательно выслушал меня и одобрил мои планы розысков шпаги.

— Берись смелее за дело, — сказал он. — Все советские люди тебе помогут.

Приступив к делу, я убедился, что задача гораздо труднее, чем я предполагал.

Справки в музеях города ничего не дали. Боевая шпага Суворова там не значилась. Суворовский музей в эти годы не работал. Его здание капитально ремонтировалось, а имущество хранилось в Военно-историческом музее и составляло самостоятельный Суворовский фонд.

И здесь я не нашел шпаги.

Я наводил справки в Государственной Публичной библиотеке и в архивах города. Сведений о судьбе имущества полкового музея там не оказалось.

Обращаясь я к любителям и знатокам исторического оружия, но безуспешно. Шпага исчезла.

Где же след шпаги? Как напасть на него?

Терпеливо, страница за страницей, я просмотрел старые справочные книги «Весь Петербург» и списки офицеров Семеновского полка за много лет.

Я сопоставлял эти фамилии с фамилиями тех офицеров старой русской армии, которые перешли в ряды Красной Армии и дожили до наших дней.

По разным приметам я отыскивал бывших солдат Семеновского полка, стараясь в беседах с ними напасть на какую-нибудь нить. Она могла привести меня к тому месту, где лежит боевая шпага полководца.

Чего я только не предпринимал, чтобы отыскать ее? Ничто не помогало. Мои усилия не давали результатов.

Но слова воинского приказа Суворова: «Не употреблять команды: «Стой!» — ободряли меня и укрепляли в моем намерении. Я продолжал искать.

Я решил искать шпагу и обдумывал пути, которыми мне следовало идти в моих поисках.

СУВОРОВ С НАМИ

Образ Суворова прошел с солдатами и офицерами Советской Армии через все годы Великой Отечественной войны.

Портрет полководца четыре с лишним года возил и я по военным дорогам.

В одной боевой части выходила рукописная газета «Суворовец». Ее выпускали солдаты артиллерийской батареи в Невской Дубровке.

Там же, в разрушенном орудийным обстрелом доме, один солдат нашел старую, зачитанную книгу о Суворове, с растрепанным переплетом. В ней увлекательно описывалась жизнь Суворова, подвиги, походы, сражения русских солдат под его водительством.

Солдаты и офицеры находили время, чтобы почитать и послушать хоть несколько страниц этой книги.

Обычно ее читали группами по пять-шесть человек. Солдаты просили:

— Нам бы про Суворова, товарищ политрук.

Политрук передавал книгу в порядке очередности взводно. Она находилась в каждом взводе двое-трое суток.

Прочитав или прослушав ее, бойцы расписывались на листке, специально подклеенном в самом конце книги.

Много подписей собрала эта книга. В годы тяжелых боев она вызывала у советских воинов чувства горячей любви к своей родной стране и ненависти к ее врагам. Ныне она хранится в Суворовском музее Ленинграда.

Как-то в перерыве между боями я попал в соседний батальон.

В подвале полуразрушенного дома собралось человек сорок солдат. Они грелись у небольшого костра, занимаясь немудреным солдатским делом: кто пришивал пуговицу, кто чистил автомат.

Поближе к костру сидели политрук и немолодой солдат с рыжими пышными усами и густыми бровями.

— Это что! — проговорил рыжеусый, очевидно, продолжая шедший среди солдат разговор. — Наши-то, кончанские, помнят Суворова. Старики и теперь песни поют про его походы...

— А ты спой, если знаешь, — попросил сидевший подле огня молодой солдат.

— Спеть не спую, — взглянул на него кончанский, — а вот сказать скажу, как Суворов со старым солдатом повстречался.

Было это в Каменке Новгородской губернии, верстах в сорока от Кончанского. Там, старики говорили, родовое имение Суворовых стояло. Места знаменитые, холмистые, кругом леса, озера, а речки — хоть картины с них пиши — быстрые, бурные. Зверя всякого, птицы, рыбы — нигде не видал столько.

Да мало кто из владельцев наезжал сюда. Вот старики только и помнят, что Александра Васильевича, фельд-маршала. Два раза приезжал.

Рассказывал мне наш сельский учитель, Антон Антонович, историю одну о Суворове, от деда слышал, а тот знал ее от отца своего. Давно это было.

Прадед учителя служил под командой Суворова солдатом, в его любимом фанагорийском полку: и под Фокшаны ходил с ним, и Измаил штурмом брал, и под Кинбурном сражался.

Прослужил старый солдат годов с тридцать. Весь пораненный, порубленный, турецкими пашками посеченный — в отставку ушел в Тульчине. Там полки в ту пору на зимних квартирах стояли.

Получил солдат «чистую» и пошел на родину, в Новгородскую губернию, в село Каменку. Пешком шел, своим ходом. Не скоро до дому добрался. Большие муки в дороге испытал, но домой — дошел.

Много ли, мало ли с той поры воды утекло, а только слышит солдат: приехал в свое родовое имение фельд-

маршал, Александр Васильевич Суворов. Царь Павел сумасбродный сослал его в Кончанское.

«Как бы, — думает старый солдат, — фельдмаршала повидать. Вместе служили, в походы вместе ходили».

Идет он — думу думает о своем житье-бытье, а навстречу, по проселку, ать-два, ать-два, — быстрым шагом сам фельдмаршал.

Не растерялся солдат. Снял шапку и поклонился, да не выдержал и по-военному крикнул: «Здравия желаю!»

Фельдмаршал от неожиданности вздрогнул, стал против солдата, строго так поглядел ему в глаза и спросил:

— Как зовут, служивый?

— Федот! — ответил браво старик и приставил ногу к ноге, как в уставе положено.

В один миг их окружили ребятишки, а следом за ними стали подходить и взрослые.

— Федот? — воскликнул удивленно фельдмаршал. — Да ведь мы с тобой знакомы?

— Так точно! Отставной солдат фанагорийского гренадерского полка, Федот!

— Федот, да не тот! — с грустной улыбкой повторил Суворов, разглядывая старого солдата. — Тот молодой был, бравый! Да и я уже не тот, служивый! Говорят, на печку пора, старые кости греть. Федот, да не тот, сказывают. — И вдруг звонким голосом закричал: — Да мы еще с тобой, Федот, повоюем! Повоюем?

— Так точно, отец наш, повоюем!

— А службу помнишь?

— Как можно забыть! — громко сказал солдат и растегнул зипун. На широкой солдатской груди висела серебряная медаль «За штурм Измаила».

— Молодец! Молодец! — похвалил Суворов и, стукнув о землю тростью, передал ее старому воину.

— Ну-ка, покажи, как колот турок под Измаилом! — Отскочив в сторону, он крикнул: — Ступай, ступай! Атакуй в штыки! Ура! Коли один раз, бросай басурмана со

штыка! Коли другого, коли третьего; богатырь заколет полдюжины, а я видел и больше!

И старый солдат выполнил всё отлично.

— Стой, фронт! — подал команду Суворов.

Солдат замер.

Тогда фельдмаршал шагнул к нему, стал грудь в грудь и засмеялся:

— Федот-то тот! Узнаю! Тот самый Федот! С ним Измаил вместе брали! — Обнял он старого солдата и трижды его расцеловал.

Было тихо. Никто не прерывал рассказчика. Всем казалось: вот войдет сейчас старый полководец, подсядет к солдатам, возьмет у них ложку, испробует кашу, похвалит ее и сам расскажет о чудо-богатырях, что прошли с ним много дорог нехоженных-неезженных, неся славу родного оружия по горам и долам Европы.

— Хороша история, спасибо, — поблагодарил солдат.

— Хороша! — одобрили другие.

— Будет и на нашей улице праздник — бодро произнес молодой сержант. — Дойдем до Берлина!

ТАИНСТВЕННЫЙ СТАРИК

В 1946 году я вернулся на работу в Военно-исторический музей и снова занялся любимым делом.

Однажды возвратившись из командировки, я узнал от сослуживцев, что на днях меня разыскал какой-то мужчина. Он оставил сверток, просил передать его мне, а сам ушел.

В свертке оказалась часть боевого знамени Семеновского полка суворовских дней — большой полуистлевший квадрат шелка голубого цвета с синим крестом. От времени шелк посеялся, но рисунок на нем сохранился хорошо.

Приход незнакомца и его подарок взволновали меня.

Снова, как много лет назад, я думал о том, как отыскать шпагу Суворова. Я колагал, что владелец суворов-

ского знамени мог иметь «ключ» к разгадке тайны. Я рассуждал так: «Если он хранил до наших дней полковое суворовское знамя, — значит, у него была связь с Семёновским полком.

Если он принес мне знамя, — значит, у него могут оказаться и другие вещи, связанные с именем Суворова».

Дома я продолжал думать о незнакомце и с нетерпением ждал утра, чтобы вновь спросить своих сослуживцев о человеке, оставившем лоскут знамени.

Мне удалось установить: приходил старик с большой черной с проседью бородой. Несмотря на преклонный возраст, он отличался военной выправкой. Все в один голос отмечали его высокий рост.

Но как отыскать нужного мне человека по таким внешним признакам?

«Если он ленинградец, — думал я, — найти его можно. Правда, понадобится много времени. Но это не беда».

Не откладывая дела, я мысленно разбивал город на районы, решив обратиться к начальникам отделений милиции с просьбой о помощи в моих поисках.

Я был готов разыскивать, не считаясь ни с какими трудностями.

«Что же, — думал я, — чтобы найти человека, принесшего мне полковое знамя суворовских дней, не жаль ни труда, ни времени. Надо искать».

И снова я пришел к полковнику Воробьеву и рассказал ему о своих намерениях. Он вызвал старых музейных работников и предложил мне поделиться с ними тем, что уже сделано, чтобы напасть на след затерянной шпаги.

Я рассказал.

Товарищи обсудили мой план и предложили усилить поиски. Они считали, что я шел по правильному пути.

— Держи с нами связь, — говорил мне полковник. — Где одному не поднять, там вместе возьмем. Помни об этом и ищи.

На другой день я обстоятельно поговорил с той работницей музея, которой старик передал сверток со знаменем.

Она мне рассказала:

— Торопился он очень. Я, по простоте своей, так и спросила его: «Вы что, торопитесь?» — «Да. Очень тороплюсь, на станцию, к поезду. Через час мой поезд отходит». «Один уйдет, другой будет», — сказала я ему. А он мне снова: «Прием у меня вечером. Нельзя людей обманывать», — сказал и быстро пошел.

— А откуда он? — спросил я женщину.

— Этого я не припомню. Может, из Пскова, а может, из Порхова. Кто его знает!

У ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ

Псков ли, Порхов? — неизвестно. Старик с черной бородой... Как его найти?

Я самым тщательным образом стал изучать карту и решил объехать ближайшие к Ленинграду города.

Где-то там должен жить неизвестный.

Старик спешил уехать, — значит, он живет не в Ленинграде. Он спешил на поезд пригородного сообщения, торопился на какой-то прием, назначенный на вечер.

Следовательно, я поступаю правильно, разыскивая старика в небольших городах подле Ленинграда.

Он сохранил у себя часть боевого знамени старейшего полка русской армии. Так поступить мог только человек, знающий армию, для кого полковое знамя не простой лоскут материи. Значит, старик не мог жить во время Великой Отечественной войны на захваченной врагами территории, — рассуждал я. — Он не остался бы там.

Сопоставив время, когда неизвестный приходил в музей, чтобы повидать меня, с временем, когда он отправился на вокзал к поезду, я установил: это могло быть часов около пяти вечера.

Но меня ожидало разочарование. Из расписания я узнал: в это время пригородные поезда отходили со всех вокзалов.

Я снова вернулся к карте и начал изучать места недавних боев под Ленинградом, мысленно переносясь в те города, где могло жить интересовавшее меня лицо.

Стоя у карты, я записывал в блокнот названия городов и поселков, куда собирался в самые ближайшие дни поехать и поискать таинственного старика.

«Прием у меня вечером. Нельзя людей обманывать», — вспомнил я слова, переданные мне работницей.

До Пскова к вечеру не доехать. В Порхов также не добраться в такой короткий срок. К тому же оба эти города в дни Великой Отечественной войны были заняты вражескими войсками. Значит, это не Псков и не Порхов, как сказала мне работница музея.

«Так какой же городок, какой поселок скрыл в своих тихих улицах нужного мне человека?» — напряженно думал я, разглядывая карту.

Долго мы обсуждали с моими товарищами по музею, как лучше повести розыски, но не пришли к общему решению.

Наконец, кто-то предложил:

— А ведь ваша мысль правильная! Нужно искать старика там, где не был враг. Поступайте, как сами наметили. Берите линию вдоль железной дороги, скажем, Ленинград — Шлиссельбург и проверяйте один поселок за другим. Проверите, найдете своего старца, хорошо. Не найдете, переходите на другую линию; ну, какую? — задумался он. — Да хоть Ленинград — Сестрорецк или Ленинград — Колпино. Так и идите по линиям дорог в сторону от Ленинграда.

Я составил план, по которому должен был объехать близлежащие к Ленинграду населенные пункты.

Полковник Воробьев просмотрел план и передал мне его обратно, дружески улыбаясь.

— Одобряю! Хорошо разработал! Только ищи лучше. Через месяц должны быть результаты.

И я выехал на розыски.

Поселок за поселком проверялся мною с таким рвением, что подчас я сам диву давался, откуда у меня столько сил. Но, подумав, я понял, что всюду мне оказывали помощь, перебирали в памяти всех жителей поселка, вспоминали — не жил ли здесь старик высокого роста с черной бородой и выправкой военного.

Но такого старика нигде не оказывалось.

Проверив все поселки вдоль линии железной дороги от Ленинграда до Шлиссельбурга и не найдя там нужного мне старика, я решил перенести поиски в другом направлении и остановился на линии Ленинград — Колпино.

И снова замелькали поселок за поселком, и всё безрезультатно. Так я дошел до последнего пункта на этой линии — Колпино, в тридцати километрах от Ленинграда.

Город Колпино, он же Ижоры, во время войны был рубежом, через который не могли перешагнуть фашисты.

Враги не сломили ижорцев. В течение всей войны их поселок оставался по эту сторону фронта.

Здесь тоже мог жить тот, кого я так упорно отыскивал.

В Колпино, куда я приехал, мне пришлось расспрашивать многих местных старожилков о старике с черной бородой и военной выправкой.

После долгих обходов и расспросов я разговорился с пожилым рабочим. От него я узнал: один старик, пожалуй, подходит к моим приметам, но он не военный, а доктор, главный врач местной больницы.

— Врач?! — воскликнул я.

— Да, врач, и хороший, — ответил мой собеседник. — А что? Вам нужен врач? Я провожу вас. Это недалеко.

Только теперь я понял слова работницы музея: «Прием у меня вечером».

«Ну да, прием у врача! — думал я. — Врач он, врач, этот старик!»

Другие кандидаты вмиг отпали.

Меня проводили до квартиры доктора, но увидеть его в этот приезд мне не удалось: он уехал в Ленинград.

От соседей я узнал, что доктор пользуется большой любовью рабочих. Еще с дореволюционных лет он живет здесь, в Колпино.

Делать было нечего. Я вернулся в Ленинград, уверенный, что мне удалось напасть на след.

На другой день я снова побывал в Колпино у старого доктора, познакомился с ним и узнал, что действительно он приезжал ко мне в Ленинград и оставил сохранившуюся до наших дней часть знамени Семеновского полка времен Суворова.

ТАЙНА ЛЕЖИТ НА ДНЕ ПРУДА

Доктор поведал мне замечательную историю:

«Я служил в старой армии, в Семеновском полку с 1914 года, — рассказал он. — Вместе со мною призвали в армию моего младшего брата, незадолго перед этим окончившего Академию художеств.

В том же году он ушел на фронт, участвовал в боях и был ранен... После второго ранения, в начале 1917 года, брат возвратился в Петроград в чине капитана.

Командир Семеновского полка, зная склонность брата к живописи, предложил ему занять должность начальника полкового музея.

Брат с жаром принялся за приведение в порядок музея, в котором хранились боевое оружие и разные вещи, связанные с именем известных полководцев со времени Петра Великого. Он много работал над рисунками и картинками из боевой жизни русской армии.

Наступили революционные дни.

Часть солдат уходила в отряды Красной гвардии, другая — разъезжалась по домам.

Покидая свои казармы, солдаты потребовали принять меры к охране имущества полкового музея. Здесь находились ценные для истории предметы вооружения, трофейные знамена, личное оружие Суворова и его сподвижников.

Солдаты знали брата как ревностного хранителя полковых музейных ценностей и верили, что он сбережет их и передаст в музей.

Однажды к нам на квартиру привезли несколько музейных вещей. Ни меня, ни брата дома не оказалось, и вещи приняли домашние.

Узнав об этом, брат рассердился, но отправлять обратно привезенное из полкового музея было уже невозможно.

Помню среди вещей граненый хрустальный кубок, два палаша и шпагу.

Один палаш с надписью «Петр Первый» принадлежал когда-то любимцу Петра Великого, арапу Абраму Петровичу Ганнибалу, а от него перешел к Александру Васильевичу Суворову, как благословение на воинский труд и служение Родине.

Палаш пользовался в полковом музее большим почетом, помимо других причин, еще и потому, что Петр являлся создателем первых двух полков регулярной русской армии — Преображенского и Семеновского.

Второй кирасирский палаш — времен Екатерины. Его ножны, как сейчас помню, сломаны.

Время было насыщено большими событиями. Целые дни я проводил в работе с новым пополнением Красной Армии. Брат находился в ее боевых отрядах. То уезжая из Петрограда, то возвращаясь за новыми бойцами, он только изредка навещал меня.

В 1919 году, когда к Петрограду приближались отряды белогвардейцев Юденича, мой брат упаковал шпагу Суворова в ящик и опустил в пруд на нашем усадебном участке. Он не хотел, чтобы шпага, почитаемая им как святыня суворовских боевых дел, попала в руки белогвардейцев.

Куда делись остальные музейные вещи, — не знаю.

Я вскоре ушел на фронт, а брат уехал с частями Красной Армии на юг, против Врангеля.

Больше мы не видели его. Он погиб в боях под Перекопом.

Не видел я больше и вещей из полкового музея. Только сохранился лоскут суворовского знамени. Его-то я и передал в музей».

Так закончил свою историю старый доктор.

Я попросил его пройти со мной к их бывшему дому.

На месте его лежала груда кирпичей и щебня — следы обстрелов и бомбежек. Вся усадьба была перерыта щелями и окопами.

Вблизи от развалин блестел небольшой пруд, куда, по словам врача, его брат опустил ящик со шпагой Суворова.

Мы долго стояли у пруда. Старый доктор вспомнил шумный и веселый рабочий поселок, своих товарищей, дом, сад, тополя, старые дубы. Здесь он провел свое детство.

А я почти не слушал его. Я думал: «В каком уголке пруда лежит ящик со шпагой Суворова?»

Итак, шпага лежала на дне старого пруда. Как достать ее оттуда?

Я решил во что бы то ни стало сантиметр за сантиметром проверить пруд, вдоль и поперек. Отступить не хотел. Цель казалась близкой.

Только бы осмотреть дно пруда!.. Но как? Да и точных данных о том, что шпага на дне пруда, — нет.

Мне хотелось испытать свое счастье сейчас же... Найдя длинную жердь, я опустил ее в воду и медленно пошел по берегу, ощупывая дно пруда. Глубокий слой вязкого ила покрывал дно. Мои поиски кончились тем, что жердь обломилась и я, потеряв равновесие, свалился в воду.

Доктор перепугался, но, взглянув на меня, не мог удержаться от смеха.

Смеялся и я.

Я понял: в одиночку тут ничего не сделаешь.

«Нужно обратиться к водолазам, — решил я. — Водолазу легче всего пройти три-четыре раза по дну пруда, осмотреть его и найти ящик со шпагой».

Но это оказалось не так просто, как мне думалось.

Следовало указать точно, что лежит на дне пруда, и получить специальное разрешение на поиски «затонувших» предметов. Кроме того, требовалось перебросить к месту поисков водолазные приборы.

После некоторого раздумья я отказался от водолазов.

«А если откачать воду пожарными насосами?» — рассуждал я.

Но переговоры с начальником пожарной команды разочаровали меня. Он объяснил: вода в пруду илистая, грязная, откачивать ее пожарными насосами нельзя.

— Если пожар случится в это время, — беды не оберешься, — сказал он. — К тому же, команда у нас невелика и выделить некого.

Пришлось отказаться и от этого способа.

«Что делать? — мучительно думал я. — Что предпринять? Не бросать же того, что начал?»

И я опять пришел к секретарю партийной организации музея.

Он встретил меня дружелюбно.

— Главное, не отчаиваться! — сказал, приглаживая свои седые волосы, полковник. — Чем лучше запрятана вещь, тем сложнее ее отыскать. Значит, больше фантазии, упорства, труда! — успокаивал он меня.

Вместе с ним мы еще раз проверили, как идут поиски.

Прищурив глаза, полковник подзадорил меня.

— Чернородого-то нашел? Найдешь и шпагу!

Через несколько дней я явился в штаб одного полка и, сидя в кабинете заместителя командира, рассказывал группе офицеров историю шпаги Суворова.

Офицеры внимательно выслушали меня. Судьба боевой шпаги славного полководца заинтересовала их.

Ободренный их отношением, я сказал:

— Позвольте мне выступить перед солдатами и просить их помочь в поисках шпаги.

— Поддержим, товарищи? — обратился к группе офицеров заместитель командира полка.

— Как не поддержать! — воскликнул молодой майор. — Ведь мы — гвардейцы, товарищ подполковник.

Подполковник, как бы подводя итог короткому совещанию, закончил:

— Ясно, товарищи! — и, повернувшись ко мне, сказал: — Теперь всё зависит от вас. Выступайте!

Дня через три я пришел в клуб пехотного полка. Помещение заполнили солдаты и офицеры. Много желающих попасть на беседу о Суворове толпилось у входа и не могло войти — не хватало мест.

Подполковник предложил перенести мое сообщение на открытый воздух.

Спустя несколько минут я стоял на небольшом помосте в углу полкового двора.

Прямо передо мною за рядами деревянных скамеек, на которых сидело несколько сот солдат и офицеров, висел большой плакат:

*СЛАВА СУВОРОВУ — ВЕЛИКОМУ
РУССКОМУ ПОЛКОВОДЦУ!*

На беседу о Суворове пришли все свободные от нарядов.

— Товарищи! — начал я с необычным волнением. — Суворов — народный полководец. «Семьдесят лет жизни, пятьдесят долгих лет непрерывной службы в войсках, шесть крупнейших войн, двадцать больших походов, бесчисленные схватки и сражения — вот его биография». Так о нем пишут историки.

«Я баталий не проигрывал», — гордо говорил о себе Суворов и, бесспорно, имел право на эти слова. За свою почти полувековую службу родной стране он в кровю

пролитных сражениях взял шестьсот девять вражеских знамен и не отдал ни одного своего.

Суворов, как никто другой из старых русских военачальников, кроме, пожалуй, его любимых учеников и соратников, — молодого, горячего в боях Петра Баграциона и мудрого Михаила Кутузова, изгнавшего в 1812 году из пределов России многочисленную армию французов, — всей своей жизнью заслужил, чтобы о нем говорили в веках: гордость и слава русской армии и русского народа.

Я остановился и взглянул по сторонам.

Множество глаз смётрело на меня в упор. Какие пытливые, требовательные взгляды!

«Как-то примут мое выступление?» — думал я с тревогой.

— Товарищи, — говорил я, — мне пришлось недавно проехать по суворовским местам, по селам: Кончанское, Новая Ладога, Одаи, Дранки, Липовки. Всюду чтут память выдающегося полководца.

Я видел, как загорались глаза слушателей, как те из них, кому не досталось мест на скамьях, приближались к маленькой эстраде. Они заполнили проходы между скамейками, вплотную придвигаясь к товарищам.

— В селе Каменка, бывшем родовом имении Суворовых, мне посчастливилось найти библиотеку, принадлежавшую некогда самому полководцу. В этом деле мне очень помогли колхозники.

— Разрешите, товарищ капитан! — раздалось с места. Спрашивал сержант со строгим лицом. Он стоял у скамьи вдумчивый, спокойный, будто находился в школе на уроке и обращался к своему учителю. — Расскажите нам, как вы находили вещи Суворова.

— В большинстве случаев я лишь помогал находить их. Отыскивали их колхозники, пионеры, рабочие, военные, — объяснял я, радуясь, что сумел заинтересовать солдат своими словами.

Под конец я сообщил о боевой шпаге, которую Суворов почти полвека крепко держал в своей руке.

— Эта шпага теперь лежит на дне пруда в Колпино, — сказал я. — Правда, мои выводы основаны на догадках, но проверить их можно, только вычерпав из пруда всю воду. Я надеюсь, вы поможете мне в поисках шпаги великого полководца, чтобы сделать ее достоянием советского народа.

Долго не утихали громкие аплодисменты.

На эстраду вышел заместитель командира полка и поднял руку. Вмиг наступила тишина.

— Товарищи! — произнес он негромко, но внятно. — У кого есть вопросы к докладчику?

Стоявший ближе всех ко мне молодой старшина, четко козырнув, сказал скороговоркой:

— Разрешите мне, товарищ подполковник?

— Говорите, Огнев, — ответил командир.

Старшина козырнул еще раз, шагнул ко мне и снова козырнул.

Глаза его сияли. Он хотел что-то сказать, но молчал.

Наступила пауза.

С места кто-то крикнул:

— Довольно козырять, старшина!

— Говори, Огнев, — поддержали другие.

Старшина улыбнулся широкой улыбкой, поднял руку, чтобы успокоить развеселившихся однополчан, и произнес:

— Смутился я, товарищи! От всего сердца хотелось сказать — и подумал: а вдруг вы не поддержите?

— Поддержим! Поддержим! — раздалось из рядов слушателей.

Старшина, указывая на своих товарищей, заполнявших площадку перед эстрадой, сказал срывающимся от волнения голосом:

— От лица товарищей заверяю — шпагу Суворова мы из пруда достанем!

— Достанем обязательно! Поможем! — послышались громкие голоса.

Сплошной стеной окружили меня провожавшие, и я с трудом пробрался к выходу.

В штабе полка мне выделили взвод солдат и саперное снаряжение.

У пруда закипела работа. Солдаты разбивали бивуак, устанавливали палатки, окапывали их канавками, крепили колышки. Взводный повар готовил полевой обед.

Я, не теряя времени, прошел к старому доктору и сообщил ему о начале работы.

Между палатками сновали подростки. В руках у них мелькали свежие березовые веники. Ребята усердно мели землю вокруг палаток. Смуглолицый, стройный, гибкий солдат, по виду грузин, сверкая озорными глазами, командовал ребячьим отрядом.

Несколько поодаль стояла группа местных жителей. Невысокого роста, размашистый в движениях, с большой проседью в курчавой бородке, дедок что-то горячо доказывал молодому старшине.

Я пригласил жителей поселка подойти поближе, рассказал им о шпаге Суворова и просил помочь спустить воду из пруда. Решили вычерпать ее ведрами.

Старик с рыжеватой бородкой приволок небольшой насос-«лягушку».

Подростки с шумом и радостными возгласами притащили ведра и передали их солдатам.

Начали откачивать воду.

Работа оказалась тяжелой. Шестами проверяли дно. Время от времени раздавался радостный крик: «Стой! Давай багор!»

Багор передавали из рук в руки и подхватывали им что-то тяжелое, зарывшееся в иле.

Работа останавливалась. Все с напряженным вниманием глядели на счастливого, старавшегося вытащить открытую тиной находку.

— Давай! Давай! Чего ждешь?! — неслись из толпы нетерпеливые возгласы.

Счастливец надсаживался, пытаясь оторвать находку от вязкого ила.

Минуту длилась тишина. Она нарушалась криком.

— Да тащи ты! Тащи! Видишь, народ измаялся глядеть!

Несколько человек бросалось к багру, но результаты обычно получались плачевные — вытаскивали корягу или пень.

Из воды на берег выходили намокшие фигуры. Их встречали веселыми восклицаниями.

— Эх ты! На кого только похож? Чучело! — весело кричал старик. Он стоял в цепи и, передавая ведра с водой, тоже был мокрым и грязным.

— Сам чучело! Смеяться легко! Сунься вот сюда! Критику я и сам наведу, — отвечал ему со смехом опрокинувшийся в воду, отжимая гимнастерку и штаны.

Эти происшествия не мешали общему ходу работ. Наоборот, они вносили оживление и подбадривали работающих.

Особенно веселились набежавшие со всех сторон ребята.

— Дяденька! Бревно потерял! — кричали они.

С каждой минутой ребят у пруда становилось всё больше и больше.

Они не уходили даже во время обеденного перерыва, шныряя, как мальки на мелководье в жаркий летний день.

Работы для них нашлось достаточно, забот тоже.

Прошло два дня..

Работали чуть ли не круглые сутки. Молодые солдаты в эти дни отдыхали мало. Они откачивали воду, словно выполняли боевое задание.

В воскресенье пришло человек двадцать колхозников, молодых мужчин и женщин.

Колхозники не отставали от солдат.

К исходу вторых суток я услышал, как старшина произнес громким голосом:

— Готово! Принимайте последнюю водичку.

Он передал ведро солдату. Ведро пошло по рукам, и все работавшие провожали его взглядами до тех пор, пока крайний в цепи не вылил на землю черную от ила воду шагах в пятидесяти от пруда, за бугром.

— Вся! — вскрикнул солдат с голубыми веселыми глазами.

— Последняя! — солидно поддержал его сосед.

Воды в пруду не стало. Обнажилось покрытое вязким илом дно.

Один за другим работавшие выстроились полукругом по берегу пруда. Они с жадностью осматривали дно.

Ко мне подошел крепкий, рослый старик с рыжей бородкой. Он кивнул в сторону пруда и, обращаясь ко всем, крикнул звонким не по годам голосом:

— Щи не хлебать — и говядины не есть. Водичку вынесли, остается говядинка. — Старик поплевал на руки и озорно оглядел всех. — А ну, товарищи, возьмемся ил убирать! Старшина, давай своим сигнал! — обратился он к группе военных. — Колхоз второй колонной пойдет! Так, братцы?

Ил выносили на берег ведрами, выбрасывали лопатами.

Наконец дно очистили, но... шпагу не нашли.

Наступило тяжелое молчание.

— Глубже копать надо, — произнес молодой парень колхозник, смотря в сторону. Но было видно: он и сам не верил тому, что предлагал.

— Ишь, незадача какая! — послышался еще один голос.

— Как же так! Не маленькая вещь, выбросить не могли! — копаясь в иле, рассуждал старик колхозник.

Старшина объявил перекур.

— Вот не везет же, братцы! — воскликнул огорченно

молодой скуластый солдат. — Как мне хотелось найти шпагу Суворова — и вот тебе на! Не везет!

Окончательно расстроившись, он сорвал с головы пилотку и хлопнул ею по сапогу.

— Не одному тебе хотелось, — бросил с досадой другой солдат.

— Потому и шли сюда, чтобы первыми ее увидеть, — тихо сказал старшина, закручивая огромную «козью ножку».

К солдатам подошла молоденькая колхозница. Она насмешливо спросила:

— Что загрустили, орлы? Откачали воду из одного пруда и приуныли. — И, не дождавшись ответа, добавила: — Для такого дела десять выкачать мало — не только один. Мы в работе от вас не отставали. Думали, нашему колхозу честь будет, а вышло по-иному.

Старшина посмотрел на девушку.

— Одобряю! Она дело говорит! Товарищи! — повернулся он к солдатам. — Сегодня шпага не найдена, но это не значит, что ее нет. Завтра ее найдут наши товарищи в другом месте. Но в ее поисках есть и наш труд. Не правда ли? Этого у нас никто не отнимет.

— Правильно! Правда! Конечно, так! — ответили дружным хором молодые бойцы.

Я поблагодарил всех и дал последнюю команду — поужинать, отдохнуть и возвращаться в город.

Поезд увозил нас всё дальше от места неудачной экспедиции.

С каждым километром у солдат рассеивалось неприятное ощущение. Начались шутки. Молодость сказалась и здесь: неудача смутила, но не убила желания добиться цели.

Но меня всё случившееся тяжело поразило. Я не находил покоя много дней. Мне казалось, что товарищи по работе, встречаясь со мной, улыбались и едва заметно переглядывались между собой. Даже сочувствие вызывало во мне досаду.

На самом деле большинство работников музея не изме-

нило ко мне своего отношения и вместе со мной переживало беду.

Розыски шпаги Суворова становились делом чести работников музея. Я старался разгадать тайну шпаги и видел: большой коллектив научных работников внимательно следит за моим трудом. Я понимал: каждый из них придет мне на помощь в любую минуту, но на мне лежит большая ответственность. Имею ли я право сомневаться в своих силах? Нет, не имею. Эти мысли помогали мне в самые тяжелые минуты.

Я думал, труд музейного работника, отыскивающего какую-нибудь ценную в историческом отношении вещь, подобен труду ученого-искателя.

И тот и другой по случайным надписям, по оброненным фразам, обломкам и обрывкам восстанавливают целое, и оно дает представление о жизни страны и народа.

Я вспомнил встречу с молодым учителем-историком в городе Боровичи, куда я приезжал, разыскивая суворовские вещи.

Он говорил:

— Всякий труд, если ты полюбишь его и отдашь ему свои силы, станет частью тебя самого, твоею жизнью. Он перейдет из ремесла в искусство и поднимет человека на такую высоту, откуда он видит дальше и глубже. Мы с радостью глядим на такого человека и хотим пойти с ним в ногу, хотим догнать наш завтрашний день.

С большой радостью я вспомнил эти слова скромного учителя и снова приобрел уверенность. «Никакие преграды не остановят меня, — решил я. — Я найду то, чему отдал так много труда».

СНОВА У СТАРОГО ДОКТОРА

Обдумав свои поступки, я убедился: нет, мне не удалось получить от доктора точные сведения, а он мог дать всё, в чем я нуждался.

Это и послужило причиной моих неудач.

Мне пришлось еще раз ехать в Колпино к доктору и допытываться, — не знает ли он, кто из друзей или знакомых его младшего брата остался в живых.

Неудача с нашей затеей расстроила старика больше меня.

Он считал себя главным виновником этих неудачных поисков и старался загладить свою вину.

— Вы уж простите меня, старика, — говорил он извиняющимся тоном. — Такая чепуха получилась! Не ожидал! Никак не ожидал!

Я успокаивал его и объяснял: в нашем деле провалы неизбежны и они не должны обескураживать нас.

— Так-то оно так, — возражал доктор, — но я вас подвел. В мои годы это непростительно.

Разговорившись с ним, я узнал, что в Ленинграде на Петроградской стороне живет его сестра — профессор медицины. Я занес в свою записную книжку еще несколько фамилий. С этими людьми дружил и встречался тридцать лет назад младший брат доктора.

Расстались мы поздно.

Домой я вернулся глубокой ночью, но спать не мог.

Не знаю, как мне удалось дотянуть до утра: казалось, время остановилось.

Я ходил из угла в угол, ложился и снова вставал. Стрелки на часах точно застыли.

Наконец пробило восемь. Я не мог больше ждать и через полчаса уже позвонил по телефону в квартиру профессора.

Рекомендации доктора оказалось достаточно.

У порога меня встретила молодая девушка — дочь профессора.

— Проходите, проходите, — говорила она и с приветливой улыбкой протянула руку.

— Меня зовут Катей, — представилась девушка. — Я студентка медицинского института. Садитесь, — предложила она и указала на стул. — Маму вызвали по срочному делу, и она поручила мне принять вас.

Я сел и, не теряя времени, спросил:

— Вам известна цель моего прихода?

— Догадываюсь,—ответила студентка.—Вас интересуют предметы, связанные с именем Суворова. У нас с мамой есть старинные вещи, но нам неизвестно, принадлежали ли они Суворову. — С этими словами Катя сняла с буфета и подала мне хрустальный кубок с гравированным рисунком.

В моих руках лежал, сверкая гранями, почетный кубок Семеновского полка.

Это из него в дни полковых празднеств пили здравицы командир и офицеры, передавая его из рук в руки.

Я осматривал его, любуясь переливами хрустала. Мои руки дрожали. Я волновался. Ведь этот кубок находился до 1917 года в полковом музее Семеновского полка; он мог привести меня к шпаге Суворова.

— Номер второй, — весело сказала Катя, — сиамские слоны!

Я глядел и не верил глазам. Передо мной стояла группа: три слона, выточенных из черного дерева и отделанных белой костью. Мастерство выдавало работу искусного художника.

— Я знаю этих слонов! — невольно вырвалось у меня.

— Осмотр продолжается, — шутя сказала Катя и вынула из шкафа пачку рисунков, перевязанных ленточкой.

— Гравюры восемнадцатого столетия. В них ни я, ни мама не разбираемся, но они особенно почитаются любителями древностей, — засмеялась девушка и подала мне связку рисунков.

Старинные гравюры взволновали меня еще больше. Мне казалось, вот-вот я нападу и на след желанной шпаги.

Без сомнения, в квартире профессора хранились вещи полкового музея. Непременно нужно было узнать, когда и как они сюда попали.

— Знаете ли, какова ценность этого для историка? — спросил я девушку, показывая на разложенные на столе диковинные вещи.

— Предполагаю! — ответила она. — Я тоже люблю старинные вещи, но не знала, что эти предметы принадлежали Суворову.

— Вы будущий врач! Что вам Суворов! — сказал я, не веря словам девушки.

— Я люблю Суворова. Просто так, как любят отца с матерью. Им гордится наш народ. Товарищ Сталин говорил о нем, как об одном из наших мужественных предков. Как же не любить Суворова!

Эти слова девушка произнесла негромко, но с большой силой. Я горячо пожал ей руку.

Мне хотелось узнать хоть что-нибудь о круге знакомых художника, но Катя не могла рассказать ничего нового.

Я только понял: у них хранятся вещи, привезенные когда-то бывшим начальником полкового музея Семеновского полка, художником Георгиевым.

— Приходите к нам еще, когда мама будет дома, — приглашала Катя. — Она расскажет вам о дяде.

УВЛЕЧЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИВОПИСЬЮ

Знакомство с профессором помогло мне продвинуться в поисках.

Мне показали старый, добротный, с большим замысловатым замком, сундук.

В нем, среди всяких ненужных вещей, находился покрытый эмалью значок офицера Семеновского полка — белый крест с золотым мечом по вертикали. Он принадлежал художнику.

Там же я обнаружил несколько его рисунков на батальных темы и удостоверение Петроградского Военно-революционного комитета.

На стене я увидел небольшие картины, написанные акварелью.

Странная манера письма не могла не обратить на себя внимание.

Я с интересом рассматривал акварели, пытаюсь понять, что они изображают.

Мое внимание заметили.

— Это эскизы театральной постановки, — объяснила мне хозяйка.

— Чем они привлекли вас? Почему они здесь висят?

— Их писал мой брат — художник. Он работал над ними вместе со своим другом.

— А для какого театра, — спросил я, — и как называлась пьеса?

— Для какого театра, не помню, — ответила хозяйка. — И название пьесы забыла. Знаю, что это было незадолго до Октябрьской революции. Эскизы — память о моем брате.

— А не вспомните ли вы, когда они попали к вам? — спросил я.

Сестра художника сняла один эскиз со стены, положила его перед собою на стол и, разглядывая рисунок, продолжила свой рассказ:

— Как-то брат привез эти эскизы и старинные вещи и просил всё сохранить до его возвращения. Он упоминал, что какие-то вещи передал на сохранение своим друзьям-художникам.

Я просил профессора назвать фамилии этих художников.

— Он был общительным человеком и дружил со многими художниками из Академии. Не всех я знала и фамилии их теперь уже не помню, — развела руками моя знакомая.

Работа начальника полкового клуба над эскизами театральной постановки, его дружба с художниками-декораторами — всё это приводило к естественно правильному предположению: с начала революции судьба шпаги Суворова тесно связана с каким-нибудь театром Петрограда.

Если уж спрятал он шпагу, так сделал это в укром-

ном месте у художника с крупным именем или в закоулках какого-нибудь театра.

Но какого? Ведь их в городе около двадцати. Придется просмотреть все...

Я ИЗУЧАЮ ТЕАТРАЛЬНУЮ БУТАФОРИЮ

Все мы видим из зрительного зала сцену, любимся декорациями, наслаждаемся игрой артистов.

Но мало кому из нас удастся попадать в таинственные помещения, тесно обступившие сцену.

Они носят порой не совсем понятные названия: реквизиторская, бутафорская, костюмерная.

Все эти помещения заполнены интересными вещами. Месяц за месяцем, год за годом копятя эти вещи.

Реквизиторы подбирают из своих неисчислимых запасов сотни мелких предметов, необходимых на сцене по ходу спектакля: посуду и книги, трости и зонты, оружие и картины, скатерти и салфетки, клетки с чучелами и чернильные приборы.

Вот вы вошли в широко раскрытую дверь в пяти-шести шагах от сцены.

С потолка свисает чучело крокодила. Филин, примостившийся на полке, зловеще глядит на него. Подле филина на блюдах лежат искусно сделанные из картона, «поджаренные» гуси и утки.

И здесь же, гордо выгнув свои шеи, «плывет» стая белоснежных лебедей.

Флаги всех стран и народов заполняют уголки комнаты.

Все это именуется реквизитом.

Вы входите в соседнее помещение. Здесь мебель самых различных стилей. Но одна особенность бросается вам в глаза.

Вы ясно видите хорошо отделанную переднюю часть и боковины буфета, книжного шкафа или письменного стола. Но стоит вам посмотреть на эти прекрасные вещи с тыль-

ной стороны, как вы обнаруживаете, что все они сделаны из фанеры и легких досок, а то и картона, и являются не настоящими вещами, а подделкой, бутафорией.

Поиски шпаги привели меня в реквизиторские и бутафорские городских театров.

Познакомился я и с репертуарными книгами, в которых хранились старые театральные афиши, наклеенные на листах плотной бумаги. Они были подобраны день за днем. Весь годовой репертуар театра.

Представьте себе книжный переплет размером в развернутую газету «Известия» или «Правда».

Для того, чтобы разложить такую книгу, требовался большой стол, на котором могли бы свободно лечь обе половинки переплета репертуарной книги.

Я перелистал десятки таких книг толщиной с кирпич. Почти месяц ушел на это.

На пожелтевших страницах огромных фолиантов за 1913—1918 годы то и дело встречались имена крупнейших актеров, певцов, художников.

Но изучение репертуарных книг не помогло мне разрешить загадку. Никакого следа работы начальника полкового клуба над декорациями для петроградских театров не нашлось.

Я был удручен новой неудачей и несколько дней не мог работать в полную силу. Мне казалось, — я не способен решить серьезный вопрос, у меня для этого недостаточно знаний.

«Бросить всё, — думал я, как уже случалось со мной в дни срывов и неудач, — бросить поиски шпаги и заняться другими делами, не требующими такого напряжения!»

Но другой голос точно шептал мне:

«Как бросить! Можно ли бросать раз начатое дело, если в нем заинтересован не ты один!»

Я прислушивался к этому голосу, а он звучал: «Ну, сорвалось. Не вышло сегодня, так выйдет завтра.

Вспомни. — Суворов часто говорил: «Без труда не вытащишь рыбки из пруда». Или не правда это?»

Я успокоился и решил продолжать поиски с еще большим рвением.

Я стал изучать содержимое костюмерных и реквизиторских ленинградских театров, объясняя их работникам, что я разыскиваю. С их стороны я неизменно встречал самое живое участие.

Несколько раз я обращался с просьбами о помощи к одному театральному работнику.

Новый знакомый терпеливо выслушивал мои истории о поисках суворовских вещей, заинтересовался моими делами и однажды привел меня в Главный гардероб академических театров.

— Ищите здесь! — сказал с легкой улыбкой мой знакомый. — В этом месте можно найти самые неожиданные вещи. Только лучше ищите! — почти приказал он мне и передал с рук на руки заведующему гардеробом.

Главный гардероб находился в глубине большого двора. Он занимал огромный пятиэтажный корпус, вмещающая тысячи различных театральных костюмов, обуви и головных уборов.

Сотни актеров можно было одеть в эти костюмы. Куда бы ни проникал взор, всюду висели суконные, шелковые, атласные, бархатные и парчевые платья.

Хитоны и котурны древней Греции поражали своею строгой простотой. Кринолины и туалеты красавиц Екатерининского двора отличались роскошью и пышной замысловатостью.

Военные мундиры, бриджи и галифе висели вперемешку с гусарскими ментиками и боярскими охабнями. Одежда героев молюеровских пьес находилась по соседству с сюртуками, мундирами и фраками героев пьес Островского.

Огромные дубовые шкафы в несколько ярусов тянулись вдоль стен и посреди больших зал мужского и женского отделов.

По этим бесконечным залам можно было совершать поучительные экскурсии, посвященные изучению истории театрального костюма.

Лучшими экскурсоводами являлись здесь работники гардероба, бережно и любовно сохранявшие накопленные за много лет театральные сокровища.

Усилиями этих работников сохранена коллекция замечательных костюмов восемнадцатого столетия, целый «Потемкинский гардероб».

В особых шкафах висели украшенные старинными кружевами бархатные и атласные камзолы. Тут же расположились шитые из цветного шелка жилеты. И те и другие были покрыты вышивками.

Крохотные бутоны роз из тончайших шелковых нитей оживляли наряды вельмож.

Ручная вышивка — работа русских крепостных мастериц, подлинных художниц своего дела, — дожила до наших дней и рассказывала о труде не одного десятка людей.

Но не костюмы влекли меня к себе.

Служащие Главного гардероба, узнав, что я из Военно-исторического музея, отнеслись ко мне очень тепло.

Старая работница рассказала, что она лично знала молодого художника в офицерском мундире. Этот художник не то в 1916, не то в 1917 году оформлял спектакли в Мариинском театре и не раз приходил в Главный гардероб подбирать костюмы и реквизит для участников спектакля.

Здесь же мне сказали, что в соседнем отделе, в бутафорском прокатном складе, имеется немало оружия и старинных вещей.

Не откладывая дела, я прошел на склад и в отсеках, заполненных театральным реквизитом и бутафорским оружием, нашел штук пятнадцать протазанов — образцов холодного оружия восемнадцатого столетия, напоминающих укороченные копья.

Роясь в бутафорских кладовых, среди пожелтевших, запыленных гравюр, литографий и лубков, я увидел старую

канцелярскую папку для дел из плотного картона с тесемками.

На ней четким графическим почерком стояла выведенная карандашом крупными буквами фамилия художника Георгиева.

Схватив папку, я нетерпеливо раскрыл ее. В ней находился перечень рисунков художника, которые когда-то хранились здесь, и наброски эскизов театральных декораций.

Я уже видел их раньше у профессора.

С обложки, как черные глаза, глядели на меня две большие печати Семеновского полка.

Я вспомнил, последние годы художник служил там начальником музея.

Вот где нашелся след так настойчиво отыскиваемого мною хранителя суворовских вещей!

День посещения Главного гардероба и бутафорского склада оказался днем больших удач.

Я понял причину успеха. В поиски шпаги включилось много людей. Все они охотно откликались на мои просьбы о помощи, и постепенно поиски стали общим делом...

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Я знал, — теперь главная моя задача заключалась в тщательном осмотре оружия в театральном хранилище, в арсенале, как его с гордостью называли работники театра.

Арсенал находился в отдаленном углу большого каменного здания Главного гардероба. Никому не могло прийти в голову, что здесь, среди тысяч разнообразных костюмов, скрыты и предметы вооружения.

Специальным ходом меня провели в изолированное помещение, заполненное оружием.

Здесь я увидел старинные казачьи сабли. Ими запорожцы рубились когда-то с турками, добывая в суровых сечах казачью славу.

Кремневые пистолеты лежали на полках и висели на стенах арсенала.

«1812—1815 годы», — определил я, осмотрев несколько образцов этого некогда страшного оружия. От метких выстрелов из них пала не одна тысяча интервентов, пришедших в Россию с наполеоновскими армиями.

Среди оружия я нашел большой пистолет с фабричным клеймом: «Тула, 1789 год».

Увидев его, я вспомнил слова правнучки Суворова о пистолете с таким же точно клеймом.

Осмотр бутафорского оружия продвигался медленно.

Я боялся пропустить какой-нибудь уголок.

Склад не имел вентиляции, никогда не проветривался, и духота в нем стояла невыносимая. Тусклый свет лампы утомлял зрение.

Я боялся, что работнику, ведавшему арсеналом, надоест наблюдать за моими поисками и он скажет, — пора кончать работу.

С опаской посматривал я в его сторону, но он спокойно приводил в порядок развороченные мною груды бутафорских вещей, с любопытством слушая мои замечания по поводу попадавших мне в руки пистолетов, сабель, шпиг и кинжалов.

Работая, я не замечал времени.

Мне не удалось просмотреть и половины арсенала, как хранитель оружия извинился передо мной и постучал пальцем по левой руке, показывая на часы. Рабочий день окончился.

Бутафор объяснил: дальнейший осмотр может состояться только через неделю. В театре на сцене начинаются репетиции нового спектакля, и он будет очень занят.

Я просил назначить кого-нибудь из его помощников.

— Никто другой не вправе входить сюда без меня, — объяснил бутафор. — Только я один являюсь ответственным за оружие.

Приходилось подчиниться.

Легко сказать — ждать неделю! Вам понятно мое состояние? Каждый из этих семи дней я, забывая о других делах, приходил в театр, шел в бутафорскую и ждал случая — может, мне повезет, может, репетиция спектакля не состоится, и я смогу снова попасть в арсенал.

Но всё шло по намеченному плану. Репетиция проходила за репетицией. Бутафор обставлял сцену, выдавал артистам оружие и принимал его обратно.

Так прошла неделя.

На седьмой день моих испытаний я услышал: «Завтра я свободен и могу пойти с вами на склад». Я вновь ожил.

Утром мы встретились в арсенале.

Полдня я перебирал кинжалы, мушкеты, шпаги, алебарды и пистолеты, внимательно осматривал каждую вещь, надеясь увидеть надпись или какой-нибудь знак, по которому удастся установить ее владельца. Но всё было тщетно.

В одном отсеке на полу под полками с бутафорией я увидел офицерскую шпагу. Ее клинок, особенно характерный конец, напоминавший удлиненный трехгранный штык, подтверждал: шпага эта, бесспорно, восемнадцатого столетия.

Она лежала в углу, совсем незаметная, если бы не конец клинка, высунувшийся из-под вороха старого ломаного оружия.

Я смотрел на клинок и не мог отвести от него глаз.

Мною овладела какая-то слабость. Мне захотелось сесть, но не хватало сил на малейшее движение.

Много раз я думал о той минуте, когда, наконец, увижу шпагу...

Вспомнив сложный путь розысков, я не особенно удивился тому, что нашел ее в театре. Меня взволновала значительность события...

Разобрав мешавшие мне вещи, я поднял с пола клинок. В моих руках лежала легкая, небольшого размера шпага. Я смахнул с нее пыль, протер стершуюся местами позолоту и стал рассматривать клинок.

Я всматривался в него и не верил своим глазам. Чуть поблескивая при тусклом свете небольшой лампочки, выделялась надпись

*«Виват, Екатерина Великая!
Богу! Отсчеству!»*

Я подошел ближе к лампе и перечитал надпись еще и еще раз.

Потом закрыл глаза, снова открыл и прочитал надпись в четвертый и пятый раз.

Всё совпадало с тем, о чем говорила мне правнучка Суворова.

От сильного волнения я не мог стоять на ногах и присел на грудь старого оружия. Мне хотелось крикнуть от радости, скорее поделиться ею со своими товарищами.

— Вот она какая, — прошептал я, любуясь клинком шпаги.

Я смотрел и смотрел на нее, словно читая по ней страницы жизни полководца.

Большая зазубрина бросилась мне в глаза. Она напомнила о племяннике Апполинаруи Сергеевны — Николае — и его первом воинском «подвиге».

Теперь мне оставалось выполнить некоторые формальности, и я мог получить шпагу и сообщить о своем открытии.

Пока же никому ни слова... Молчать...

Я пошел к выходу, но, сделав шаг, остановился у полки с бутафорией. Над ней на боковой стенке висел кирасирский палаш. Его тяжелый, кованой латуни эфес украшал вензель.

Я снял палаш с костылька и осторожно потянул клинок из ножен. Покрытый легким слоем смазки, он заблестел при слабом свете лампы.

Но что это? Ножны палаша надломлены. Я всматриваюсь. Ошибки нет!

Кирасирский палаш оказался немым свидетелем подлинности шпаги.

Ведь долгие годы она хранилась вместе с ним в музее Семеновского полка. Потом ее перенесли сюда и она пролежала здесь тридцать лет... Палаш времен Екатерины Второй всегда сопутствовал ей, как верный страж. Подле него висел еще один палаш с гравированной надписью: «Петр Первый».

Не в силах сдержать себя, я выбежал на улицу, вскочил в первую подвернувшуюся автомашину, а через час вместе с Апполиной Сергеевной снова вернулся на склад и показал шпагу.

— Да, это шпага Суворова! — сказала Апполина Сергеевна.

На следующий день я сообщил о своей находке секретарю партийной организации.

Это он поддерживал меня в самые тяжелые минуты и верил, что я разгадаю загадку со шпагой.

Он первый поздравил меня с большой исторической находкой.

— Теперь шпага Суворова станет достоянием советского народа, — сказал полковник Воробьев.

Он высказал мою самую сокровенную мысль. Она поддерживала страсть и мое упорство на протяжении чуть ли не двух десятилетий.

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Конец моей истории является началом новой жизни шпаги Суворова.

Зимний вечер. Набережная Невы. Старинный дворец на ней. Великолепная, сверкающая белизной мраморная лестница ведет наверх. Ноги тонут в пушистых коврах.

Мы поднимаемся на второй этаж. В чудесно обставленной гостиной нас встречают. Сейчас начнется заседание суворовской комиссии. Мы — в Ленинградском Доме ученых.

Председатель комиссии, генерал-лейтенант, открывает заседание.

Колодки многочисленных боевых наград на груди свидетельствуют о его боевом пути.

В зале много офицеров, ученых. Рядом с ними сидят рабочие и инженеры, артисты и художники, служащие и писатели — любители, я бы сказал, ревнителю истории родной страны.

Несколько рядов кресел занимают школьники старших классов. Среди них выделяются своей формой воспитанники Суворовского училища.

Это всё члены школьных исторических кружков — почитатели великого полководца. Они не впервые на заседании суворовской комиссии Дома ученых и с большим старанием выводят свои фамилии в регистрационном листе.

Сегодня ответственный день. Я подвожу итоги своего труда за много лет и отчитываюсь в работе перед учеными, военными историками и всеми, кто любит Суворова.

Рассказ о поисках шпаги я иллюстрирую показом найденных вещей.

Вот в моих руках старый тульский пистолет.

Я рассказываю его историю. Вслед за пистолетом по рядам кресел из рук в руки медленно переходит квадратный доскут полкового знамени Суворова.

С огромным интересом смотрят на него участники заседания.

Палаш Петра Великого вызывает бурю восторгов. Ряды, занимаемые школьниками, волнуются. Каждому из юных историков хочется подержать в своих руках палаш, которым «арап Петра Великого» благословил на воинский труд Суворова.

Последние фразы своего сообщения я говорю, держа в руках шпагу.

— Вот она — боевая шпага Суворова. Ее тридцать с лишним лет не могли отыскать. Теперь она войдет в собрание личных вещей полководца и найдет свое почетное место в Суворовском музее.

Мое сообщение закончено.

Сыплются десятки вопросов, и я не успеваю давать объяснения.

С кресла поднимается лейтенант и просит слова. Я внимательно вглядываюсь в его лицо.

Передо мной знакомый нам старшина. Это он года три назад со взводом солдат помогал мне вычерпывать воду из пруда.

— Разрешите мне, товарищи, — сказал он, — приветствовать суворовскую комиссию Дома ученых и поздравить ее с ценной находкой. Командование и личный состав моей воинской части поручили мне принести сердечную благодарность всем тем, кто не останавливался перед трудностями и нашел шпагу прославленного полководца.

Слова лейтенанта потонули в шумных аплодисментах участников заседания. Выждав немного, он продолжал:

— На долю нашего полка выпала честь принять участие в поисках шпаги Суворова. Правда, мы не нашли ее. Но мы горды тем, что разделили этот труд со многими советскими людьми. Мы всегда верили, что шпага будет найдена.

Вслед за лейтенантом выступил юный воспитанник Суворовского училища. Краснея и путаясь в словах от смущения, он спросил, когда откроют Суворовский музей и будет ли там шпага Суворова, чтобы суворовцы могли ее осмотреть.

Заседание суворовской комиссии закончилось.

Я еще раз убедился: мой труд не был трудом одиночки.

Шпагу замечательного русского полководца разыскивало много людей.

Любя величественный образ Суворова, они с увлечением отдавали этому делу свое время.

СЕРЕБРЯНЫЕ ТРУБЫ

I

Как-то мне понадобилось выехать в небольшой городок неподалеку от Ленинграда. Начальник музея поручил мне осмотреть находившееся там историческое здание.

Приехав на вокзал, я узнал, что поезд только что ушел, а следующий пойдет минут через сорок.

Досадуя на себя за опоздание, я быстро прошелся по длинному перрону, а потом, успокоившись, сел на скамью под вокзальным навесом и развернул газету.

Вскоре рядом со мной сел молодой офицер.

Меня привлекло его открытое лицо с умными серыми глазами.

Мы разговорились, и я узнал, что он едет в одном со мной направлении.

Лейтенант Павлов, как назвал себя мой новый знакомый, впервые надел офицерскую форму и сиял ярче солнца. Улыбка не сходила с его лица.

Он на днях окончил военное училище, был произведен в лейтенанты и собирался навестить своих родных перед отправлением в часть.

У него в руках я увидел книгу. На обложке выделялась крупная надпись: «Суворов». В книге рассказывалось об итальянском походе полководца.

Юноша оказался большим почитателем Суворова.

— Наш преподаватель военной истории, — сказал мне с волнением молодой офицер, — настоящий поэт. Лекции о Суворове он читал так, словно пел гимн русскому оружию. Да и как не любить нам этого чудо-богатыря русской армии! Держать в руках оружие пятьдесят лет! Командовать дивизиями, корпусами, армиями — и не проиграть ни одного сражения, ни одной битвы! «Я баталий не проигрывал», — говорил Суворов о себе. И это верно. Ни одного проигранного сражения!..

Я слушал горячие слова лейтенанта. Очевидно, он находился под впечатлением книги о Суворове и нуждался в том, чтобы высказаться.

Перелистывая книгу, лейтенант продолжал:

— Его жизнь, его подвиги — это образец служения Родине. О нем нельзя вспоминать без волнения. «Докажи на деле, что ты русский», — говорил он своим солдатам, и те понимали его.

На перрон вокзала вошла небольшая воинская команда, вероятно, почетный караул для встречи или проводов кого-либо из гостей.

Впереди шли два горниста, в руках у них сверкали на солнце серебряные трубы.

Лейтенант Павлов встал и взглядом военного проводил проходивших мимо солдат.

Глядя на трубы, я вспомнил один эпизод, связанный с началом боевой деятельности молодого Суворова.

Когда команда прошла, я обратился к своему собеседнику:

— Хотите послушать историю из жизни Суворова?

— Конечно, хочу. Прошу вас! — быстро сказал он.

«Знаете ли вы, что воинские подвиги не всегда награждались только медалями, орденами или золотым оружием? Лет сто семьдесят, сто восемьдесят назад награды бывали самые различные.

Например, за победу под Крупчицами Суворова наградили тремя пушками. За разгром турок под Кинбурном — пером в виде плоской золотой пластинки. Суворов прикрепил его к своей шляпе-треуголке. Оно было украшено большой буквой «К» из алмазов — в честь его смелой до дерзости победы над грозным, многочисленным и опытным врагом.

Однажды Суворов получил в награду за успешно проведенную военную кампанию золотую табакерку, осыпанную бриллиантами».

Меня прервали. Подали состав. Мы поднялись со скамьи и вошли в вагон.

Поезд быстро двинулся в путь. В открытые окна врывался свежий ветер, напоенный лесными ароматами.

— Вы обещали рассказать о необычайных наградах за военные подвиги, — напомнил лейтенант.

До станции, куда мы оба направлялись, было еще далеко. Чтобы скоротать путь, я продолжил свой рассказ.

«В 1757 году, когда шла война с прусским королем Фридрихом, Суворов прибыл к русской армии.

В августе 1759 года он впервые присутствовал при сражении. Перед ним разворачивалась известная в истории битва под Кунерсдорфом.

Русские разбили Фридриха. Его войска в беспорядке бежали. Судьба Пруссии находилась в руках командующего русской армией Салтыкова.

В этой битве Суворов еще не командовал частью. Он находился при штабе, а потому имел возможность воспринимать происходящее критически и делать необходимые выводы.

Когда после кунерсдорфской победы Салтыков остался стоять на месте и даже не послал казаков для преследования бегущего неприятеля, Суворов сказал корпусному генералу Фермору: «На месте главнокомандующего я бы сейчас пошел на Берлин».

Этого как раз и боялся Фридрих.

После разных передвижений большая часть русских войск ушла на зимние квартиры.

А на Берлин был предпринят смелый поход.

Перед корпусом, которым командовал генерал Чернышов, стояла задача — захватить столицу прусского короля, уничтожить в ней арсенал, пороховые мельницы, запасы оружия, амуниции и продовольствия.

В передовом отряде в четыре тысячи человек на Берлин шел и молодой Суворов.

В начале сентября 1760 года отряд подошел к Берлину. Начался артиллерийский обстрел.

Командир отряда, тайный сторонник прусского короля, Тотлебен не спешил. Он всячески затягивал приказ о штурме и повел нескончаемые переговоры с комендантом Берлина об условиях сдачи крепости. Солдаты роптали: «двести верст отмахали без отдыха, а теперь — вас ист дас, кислый квас — стоим на месте!» Офицеры тоже возмутились.

Наконец, под сильным нажимом офицеров, Тотлебен выделил по триста grenадеров на штурм двух входных ворот крепости.

— Как же так! В крепости десять ворот, а штурмовать будем только двое из них! — ничего не понимая, возмутились одни.

— Свояк свояка видит издалека: Фридриху на руку играет, — роптали другие.

— Измена! — шептали втихомолку третьи.

Возмутившимся офицерам молодой Суворов с хитрой усмешкой предложил:

— Что ворота считать? Мы русские. Откроем двое ворот — узнаем, кто за десятью сидит. На штурм! — и схватился за рукоять палаша.

Русские войска рвались в бой.

Тотлебен был бессилен остановить их.

И штурм двух ворот первоклассной по тем временам крепости Берлина начался.

Горстка храбрецов ворвалась в город, но, не получив от Тотлебена поддержки, ушла обратно.

Через три дня подошел вспомогательный корпус. Штурм крепости решили возобновить.

Предупрежденный об этом шпионами, комендант города прислал своего представителя для переговоров о сдаче.

Утром русские войска вступили в Берлин.

Члены берлинского магистрата поднесли русскому командованию громадные старинные ключи от ворот города.

Полки, участвовавшие в захвате Берлина, были награждены серебряными трубами, очень похожими на те, которые мы недавно видели у горнистов воинской части, проходившей по перрону...»

Мой рассказ захватил лейтенанта.

Особенно заинтересовало его награждение полков серебряными трубами.

— Это же замечательно! — восхищался молодой офицер. — Но почему трубами? Ведь есть же причина этому?

— Да, есть! — сказал я.

— Какая?

— Вы читали «Слово о полку Игореве»?

— И не один раз.

— Помните стихи:

«Трубы трубят в Новгороде,
В Путивле знамена стоят?»

— Совершенно верно. Помню! — ответил офицер, понимающе улыбаясь.

— Звуком трубы управляли войсками в боях, — продолжал я. — Так почему же нельзя было и награждать трубами за воинский подвиг?

Юноша пристально глядел на меня. Он не замечал ни остановок, ни того, что мой рассказ заинтересовал многих пассажиров нашего вагона.

«...Только не думайте, что полки сразу получили го-товенькие серебряные трубы и сыграли на них зорю. Нет!

Командирам дали контрибуционные деньги в серебряных талерах и предписание перелить монеты на трубы.

Полки стояли на зимних квартирах.

Казначей отсчитали нужное количество талеров и отправили полковых представителей с заказами на серебряные трубы.

Поехали доверенные от полков — кто в Дрезден, кто в Данциг, а кто в Кенигсберг, где уже несколько лет находился русский генерал-губернатор Василий Иванович Суворов, отец будущего полководца.

Доверенные старались. Они хотели, чтобы Московский пехотный полк имел трубы, совсем не похожие на те, что изготавливали для Невского полка. А трубы Выборгского — своей чеканкой, художественным орнаментом, позолотой и украшениями из дорогих камней — отличались от труб первых двух полков.

Стараниями доверенных мастера сделали около пятидесяти сверкающих серебром труб, украшенных гравированными надписями, гербами и орнаментом из барабанов, пушек, знамен, кирас, литавр и оружия, перевитых дубовыми и лавровыми ветвями и лентами.

Вот одна надпись на трубах Невского полка, которая мне запомнилась:

*«Поспешностью и храбростью взятие города Берлина.
Сентября 28 дня 1760 года»*

Но трубы эти затерялись. И как мы ни хотели найти хотя бы одну, — нам это не удалось...

С серебряными трубами произошла еще такая веселая история.

К русскому царю Александру Третьему приехал в гости Вильгельм Второй, последний германский император. На маневрах ему в шефство дали Выборгский пехотный полк, который в свое время получил в награду серебряные трубы.

На маневрах Вильгельм лично командовал этим полком.

Солдаты были молодец к молодцу и отличались хорошей выучкой, умением приспособляться к местности, сметкой и сообразительностью.

На параде после маневров Вильгельм увидел в руках у горнистов большие серебряные трубы.

— За какие отличия получил полк эти трубы? — обратился он к трубачу — чернобровому, статному солдату.

Не успел переводчик передать последнее слово вопроса, как горнист, взяв с особенным шиком под козырек, звучно ответил:

— За взятие Берлина, ваше императорское величество!

Рука горниста застыла у фуражки. Он «ел глазами начальство» так, как это предписывалось уставом.

Вильгельм на секунду опешил, но, спохватившись, ответил:

— Ну, это происходило давно и впредь не повторится.

Растерявшийся переводчик не успел перевести слов Вильгельма.

Горнист, желая поправиться, быстро сказал:

— Никак нет, ваше величество!

А молодой подпоручик, стоявший подле своей роты, не выдержал и вполголоса произнес:

— Поживем — увидим!

Вильгельм в гневе окинул глазами горниста, повернулся и пошел к приближавшемуся со свитой Александру Третьему...

Ну, вот и всё о серебряных трубах», — закончил я.

Рассказ понравился. Долго обсуждали его мои спутники, вспоминая то одну, то другую деталь.

Поезд подошел к какой-то станции. Сидевшие подле нас люди вышли. Мы с лейтенантом остались единственными пассажирами в вагоне.

Еще один перегон — и наш путь заканчивался.

— Я с большим удовольствием выслушал ваш рассказ о трубах, — сказал, обращаясь ко мне, лейтенант.

— Рад, что сумел заинтересовать вас, — ответил я. — Но этого мало! Я хочу, чтобы вы не только помнили мой рассказ, но и предприняли в память Суворова что-нибудь более реальное. Вот попробуйте найти затерянные трубы Невского полка.

— Даю слово, что разыщу пропавшие трубы. Это будет моим ответом на ваш призыв.

Поезд подошел к нашей станции. Мы покинули вагон и, обменявшись адресами, разошлись в разные стороны.

Не прошло после моей встречи с лейтенантом и месяца, как началась Великая Отечественная война.

Фронтные заботы заполнили все мои дни. Встреча с лейтенантом забылась.

II

После окончания Великой Отечественной войны я демобилизовался и вернулся к своим прежним занятиям.

Как-то, придя домой, я нашел у себя на столе пакет из воинской части.

«От какого-нибудь военного дружка, — мелькнуло в сознании. — Из тех, что не в силах оставить армию». Номер части на пакете незнакомый.

«Кто бы это мог быть?» — думал я, разрывая пакет, и прочитал:

«Дорогой друг!

Позвольте мне называть Вас этим большим именем. Узнав, что Вы уже дома и занимаетесь любимым делом, я хочу порадовать Вас. Свое слово, данное Вам много лет назад, я сдержал.

Мною найдены две серебряные трубы, о которых Вы рассказывали в вагоне пригородного поезда незадолго до войны. Они могут быть переданы Военно-историческому музею. Приезжайте в наш полк.

Искренне уважающий вас

гвардии подполковник Павлов».

Несколько раз перечитал я письмо офицера.

Меня порадовало, что он жив, здоров и с успехом служит в рядах Советской Армии, начав войну лейтенантом, а закончив ее гвардии подполковником.

Несмотря ни на что, он не забыл нашу случайную встречу и, казальсь, мимолетный разговор о наградных трубах.

Спустя несколько дней командование музея направило меня в Н-ский гвардейский полк.

Я приехал в штаб и горячо пожал руку подполковнику Павлову — начальнику штаба полка.

Со времени нашей встречи прошло больше пяти лет.

Подполковник раздался вширь, возмужал. Его умные серые глаза попрежнему были восторженны.

Передо мной стоял тот же человек, которого я встретил когда-то на перроне ленинградского вокзала, только выглядел он теперь суровее и увереннее. А у виска была зарубцевавшаяся рана от осколка.

— Ну вот, и встретились! Рад! Очень рад! — говорил подполковник.

Передачу серебряных труб назначили на другой день.

Мой друг постарался обставить всё возможно торжественнее. Он хотел подчеркнуть патриотический смысл всей церемонии, заинтересовать ею личный состав полка, вызвать у солдат и офицеров еще больший интерес к славе нашего оружия.

Передача происходила в помещении полкового клуба. На покрытом малиновым бархатом столике лежали, чуть приподнятые с одного конца, две серебряные трубы. На них сверкали освещенные ярким светом надписи:

*«Поспешностью и храбростью взятие города Берлина.
Сентября 28 дня 1760 года».*

Одна труба, судя по надписи, принадлежала Невскому пехотному полку, другая — Санкт-Петербургскому карабинерному.

За столом президиума сидели почетные люди полка — многократно награжденные боевыми орденами солдаты и офицеры.

Полковой оркестр исполнил гимн.

В торжественной тишине командир полка вышел из-за стола и обратился к собранию.

— Товарищи! Прежде чем передать представителю музея наградные серебряные трубы, подполковник Павлов расскажет нам их боевую историю за годы Советской власти.

Подполковник легкими шагами подошел к трибуне и начал свой рассказ:

«В 1918 году, когда создавалась Красная Армия, в тихом городке Ораниенбауме, ныне Ломоносове, километрах в пятидесяти от Петрограда, формировался новый регулярный полк. Это был один из первых полков армии рабочих и крестьян.

Бойцы расположились в казармах Невского полка царской армии.

При осмотре полкового имущества под грудой солдатских тюфяков красноармеец обнаружил несколько старых труб полкового оркестра. Среди них оказались четыре серебряных горна. Судя по надписям, их изготовили лет полтора назад как награду за взятие русскими войсками Берлина.

Две трубы принадлежали когда-то Невскому пехотному полку, две другие — карабинерному Санкт-Петербургскому.

Невский полк в 1760 году принимал деятельное участие в походе на Берлин и в награду за боевые заслуги получил серебряные трубы.

Как попали сюда трубы карабинерного полка, установить не удалось.

Во всяком случае, и те и другие перешли в собственность вновь сформированного полка молодой Красной Армии.

Их серебряные голоса пели теперь о стойкости и храбрости красноармейцев в боях с врагами Советской республики.

Полк вскоре стал участником битв за родную страну.

Под Нарвой он, вместе с другими полками Красной Армии, разбил могучую группировку немецких войск, пытавшихся прорваться к Петрограду.

На смотре командующий фронтом, услышав звонкие сигналы полковых труб «на караул!», подъехал к горнистам, полюбовался и сказал, обращаясь к бойцам и командирам нового полка Красной Армии:

«Цените эти трубы, товарищи! Берегите их. Это священные боевые награды. Они заслужены кровью наших братьев, поспешностью и храбростью захвативших вражескую столицу.

Сегодня в бою с грозным врагом и вы заслужили награду. Поздравляю вас с большой победой молодой Красной Армии над лучшей армией капиталистического мира.

От имени рабоче-крестьянского правительства награждаю ваш полк красными лентами на трубы и красноармейской звездой».

Длинен был путь героического полка Красной Армии в боях с армиями интервентов и белогвардейцев.

Но где бы ни находился он, подле его полкового знамени всегда стояли четыре горниста. Они держали в своих руках серебряные трубы. Своими звонкими голосами трубы будили бойцов ранним утром, давали сигнал к наступлению и собирали воинов к полковому знамени...

Трубы стали славой полка, его гордостью.

В годы Великой Отечественной войны этот полк прошел славный боевой путь. Много раз упоминается он в приказах Верховного Главнокомандующего.

Я служил в другом полку, когда ко мне в руки попала армейская газета с описанием подвига горнистов вашего полка. Еще раньше я слышал, что в составе нашей армии есть полк с суворовскими трубами, но какой именно — мне не удавалось узнать.

Подвиг горнистов помог мне в этом.

Полк свято хранит имена четырех молодых горнистов, погибших героями. В тяжелую минуту боя, под обстрелом врага, они, выполняя команду, бросились вперед и сыграли сигнал к атаке.

Сильные голоса серебряных труб пронзили шум боя.

Солдаты услышали их, увидели горнистов, стоявших на открытом месте, и бросились в атаку. Враг был сбит и разгромлен, а трубы найдены на поле боя подле погибших горнистов. Солдаты подняли их и поклялись отомстить за смерть товарищей.

Больших усилий стоило мне попасть в ваш полк. Но с той поры он стал и моим полком.

К концу войны у нас осталось только две трубы. Две другие мы передали соседнему полку за братскую помощь.

По нашим сведениям, эти трубы погибли в бою.

И вот настал день, когда советские войска вошли в Берлин.

Это был великий день. В Берлин вошел и наш полк.

Командующий советскими войсками салютовал горнистам, игравшим подъем флага.

Он дал приказ украсить трубы за взятие Берлина георгиевскими лентами.

Вот какова история серебряных труб.

А сегодня мы собрались здесь, чтобы передать их музею и просить его командование хранить боевые трубы, как память о доблести нашего оружия.

Сто девяносто лет они честно служили Родине. Пора им и на покой, тем более, что хотя и косвенно, но они имеют отношение к боевой деятельности молодого Суворова. Ведь в 1760 году и он побывал в русских полках в Берлине».

Подполковник взмахнул рукой—и оркестр заиграл торжественный марш.

Два солдата и два офицера вышли на эстраду: молодые, здоровые, с отвагой в глазах.

Вот они встали вокруг стола, покрытого тяжелой бархатной скатертью алого цвета.

На столе лежали перевязанные лентами трубы.

Звуки оркестра стали сильнее. Офицеры рывком вынули из ножен шашки и отдали салют серебряным трубам.

Стоявшие позади них солдаты переглянулись и сначала один, потом другой взяли со стола по трубе и передали их мне.

— Передаем вам и завещаем от имени гвардейского полка Советской Армии хранить их вечно, — сказал первый солдат.

— Покажите их всем советским людям. Это — солдатская слава. Они много раз поднимали в атаки и суворовских чудо-богатырей, и бойцов Красной Армии, и гвардейцев нашей краснознаменной дивизии. Они своими прч-зывными звуками звали нас к подвигам и победам во славу Родины, — произнес, волнуясь, другой.

Громовое «ура!» долго не смолкало под сводами полкового клуба.

Принимая трубы, я склонил колено перед боевой наградой героических полков.

Теперь эти трубы хранятся на самом почетном месте в музее.

А я берегу в своей памяти образ молодого гвардии подполковника — замечательного советского человека.

ВО СЛАВУ РУССКОГО ВОИНСТВА

Колхозники села Кончанского Новгородской области задумали открыть у себя Суворовский музей. Они избрали комиссию и поручили ей собрать по избам вещи, имевшие отношение к тому времени, когда Суворов жил здесь, в Кончанском, сосланный сюда царем Павлом.

Комиссия, куда входили председатель Кончанского сельсовета, учителя, колхозники и комсомольцы, собирала суворовские реликвии по всему Боровичскому району, во всех селах и деревнях.

— В самый разгар этих сборов, а дело было в 1938 году, тогда колхозы самой силой наливались, — рассказывал мне председатель Кончанского сельсовета, — к нам приковылял древний дед-карол, потомок суворовского солдата.

Поклонившись по старому обычаю на четыре стороны, дед с таинственным видом сообщил:

— Старинку про Суворова в народе сказывают, как он в наши края гостевать приезжал. Может, по нраву придется, так вы запишите на бумагу. Это надежней, чем держать в памяти.

Мы посадили старика за стол, сели рядом и услышали от него старинный сказ о полюбившемся народу полковнице:

— Было то близко от родового села Александра Васильевича, от Каменки, — начал дед глухим голосом, совсем тихо свой рассказ и, словно вспоминая старину, закрыл глаза.

Много годов в Каменку не заглядывали Суворовы. Стоял на пригорке барский дом, ветшал; приказчики мужиков муштровали, оброк с них правили. Все бы ничего, да рядом с Каменкой, верстов за пятнадцать, жил в своем имении помещик, да такой охальник, такой душегуб. Смекнул он: вот уж сколько годов не наезжают суворовские господа в усадьбу, знать, можно своевольничать, свой нрав тешить.

Случилось так, что в одном месте, совсем у Каменки, покос того помещика узким бережком забрел в самые земли Александра Васильевича. Сколько Суворов денег сулил за этот бережок, ничего не получалось, наотрез отказывал.

— Моя, говорит, земля! Что хочу, то и делаю!

Так через тот бережок с покосом он половину каменных мужиков чуть по миру не пустил. Что ни день, то конь, то корова, а то коза, нечистый ее забодай, забредут на покос душегуба. А он только и ждет того. Сейчас за расправу: «Плати за потраву, а не то скотину у себя оставляю».

Ворчат мужики, плачут бабы, а он ласково так приговаривает:

— А ты плати, православная душа, плати; дни стоят теплые, погожие, лошадка тебе нужнее, чем мне, и коровка нужна, молочка деткам надоить, напоить их, сироток горемычных.

Мужики скрипят от злости зубами, но платят, выхода нет.

Вот так, в одночасье, забрал он на своем покосе конягу отставного солдата. В гренадерах у Александра Васильевича Суворова ходил тот солдат, а теперь мужиковал — крестьянство вел, хлеб сеял, землей кормился. Одна коняга у него в хозяйстве, да он сам, да женка, да деток четверо, мал мала меньше.

Вызвал помещик солдата к себе, отчитал хорошенько и правит с него полтину за потраву.

— Не заплатишь завтра поутру, лошадь твою задержу до полной отработки, а тебя розгами одеру, порядок, чтобы, значит, знал.

Солдату лошадь, ох, как нужна! Самый покос идет! А полтины нет!

— Ты, барин, отдери меня розгами, сделай такую божескую милость, а коня дай, покос на дворе. Откошу и тебе отработаю! — поклонился солдат барину.

— Сначала отработай, православная душа, а там коси на здоровье! — посмеивался барин. — Спину драть тебе все едино буду, не трави покос, доглядывай за скотиной.

Что тут делать? Ложись да помирай! Да на ту пору прослышал солдат, что в Кончанское село пожаловал сам батюшка, Александр Васильевич.

Недолго думал солдат, взял да и махнул в Кончанское.

Идет он полями, лугами, мимо озер, леса многоверстные позад себя кидает. Глядит: травы наливаются, колос колосится, полевой цветок синее, головкой кивает, внизу, в траве, кузнечики чиркают, а в голубом небе — птица залевается: славит день да труд человеческий.

Тишь кругом, ни души, только ветерок шепнет словечко и смолкнет.

«До чего же хорошо на свете, — думает солдат, — а ты вот иди, правду ищи. Сколько воевал, сколько крови своей пролил за родную землю, сколько наград получил».

— Где же ты, правда? — спрашивает солдат у леса, у озера, у степной былинки. Но молчит лес, молчит озеро. Уснула былинка.

Шагает солдат, пот сквозь рубашку пробивается, ноги дрожат от усталости. Тяжело идти! Но тяжелее барскую неправду терпеть.

Шагает он. Вон уж Кончанское на холме раскинулось, а вот и двор фельдмаршала. Пришел солдат.

Видит, на крыльце камердин Суворова, Прохор Иванов Дубасов, сидит, семечки грызет.

— Прохор Иваныч! — шепнул солдат, — окажи милость, допусти к отцу родному.

— Нельзя! Александр Васильевич спать изволит.

— Скажи, старый солдат пришел, с жалобой!

Прохор Дубасов встал, сошел с крыльца и поглядел в покрытое морщинами лицо солдата.

— Эге, да ты, никак, наш? — потрепал Дубасов солдата по плечу.

— Ваш, Прохор Иваныч, Измаил вместе брали!

— Ты, брат, обожди малость! Александру Васильевичу пора вставать, пойду сбужу его.

С этими словами Прохор ушел в дом и скорым часом вернулся на крыльцо, пропуская вперед себя Суворова.

— Старый солдат, говоришь, пришел? Старого солдата, Проша, надо принять, чай, вместе воевали! — говорил тот, позевывая, и, взглянув в упор на солдата, выпалил:

— Да ты не из гренадеров ли моих будешь, кавалер?

— Так точно! Игнат Гренадеров, правофланговый второй роты Копорского полка! — отрапортовал солдат.

— Говори, Игнат, с чем пожаловал?

Так, мол, и так, обижают, отец родной, твоих чудобогатырей, — не выдержал солдат — и все, что наболело у него, выложил тут, ничего не утаил.

Обомлел Александр Васильевич, зашелся весь от гнева.

— Проша! — кричит, — готовь коней, в гости поедем, в Каменку, к Кузьме Ерофеичу! А служивому запряги телегу, дай меру ржи и рубль деньгами.

Верный личарда Александра Васильевича, Прохор Дубасов, сверкнул на солдата глазами — знай, мол, наших! — и ушел исполнять приказ.

— Ты, служивый, — сказал солдату Суворов, — садись в телегу и езжай. Завтра утречком явись к барину на правёж. Я сам там буду! Понял?

— Понял, отец родной! •

Солдат сел в телегу и, не веря глазам, зажав в кулаке серебряный рубль, погонял ладного конька, поглядывая на мешок с рожью.

На утро Суворов вместе с Прохором неожиданно-негаданно прискакал к соседу по Каменке.

Въехал он на своем скакуне на поросший травой двор,

а барин правож правит, с солдата полтину требует. Солдат стоит перед ним на коленях, лошадь свою выпрашивает.

Увидев Суворова, помещик от неожиданности и страха чуть не задохся. Он знал, Суворов не терпел неправды, не давал зря в обиду мужиков, особенно из своих отставных солдат.

А Суворов соскочил с коня, бросил Прохору поводья, подошел ближе, посмотрел на солдата и спросил его:

— Скажи-ка, кавалер, ты за Фокшаны в восемьдесят девятом году медалью пожалован?

— Пожалован!

— На Рымникском поле, в том же году, серебряный рубль за храбрость и геройство получил?

— Из твоих рук, Александр Васильич!

— Из моих, точно, помню! Герой! Илья Муромец! Добрыня Никитич! Русский! Под Измаилом турку вместе били?

— Вместе, батюшка Александра Васильич, вместе! — не то смеялся, не то плакал солдат. Слезы бесконечной чередой катились по его почерневшим на солнце морщинистым щекам и падали на землю с концов сивых усов...

— А медаль за это молодецкое дело имеешь?

— Как же, имею, в дому на рушнике в святом углу висит, вместе с той, что за Фокшаны дана.

— И тебя, богатыря, Илью Муромца, пороть!.. Да кто посмел! — разошелся фельдмаршал и сурово поглядел на барина.

Тот стоял, опустив голову и вытянув руки по швам.

— Как же ты, Кузьма Ерофеич, героя, что кровь проливал за родную землю, за твоих деток, как же ты собирался розгами?

— Черт попутал, ваше сиятельство! — лепетал барин, трясаясь, как осиновый лист.

«Суворов не посчитается с тем, что он благородный, помещик, а возьмет да придумает такое, хоть в петлю после того лезь!» — мелькали в голове у барина недобрые мысли.

— Государыня-матушка, Екатерина Алексеевна, наградила солдата медалями за воинские подвиги, а ты!.. — гремел фельдмаршал.

— Прости меня, окаянного, Александр Васильевич! Засиделся я тут в лесах-болотах, словно медведь дикой, разум потерял.

— Встань, Игнат! Не для чего тебе перед баринком на коленях стоять. Такой же ты человек, как и он! — приказал Суворов.

Игнат поднялся.

— А ты, Кузьма Ерофеич, — сказал, нахмутив брови, Суворов барину, — поднеси Игнату Гренадерову, солдату русской армии, чарку хмельного. И меня не обойди, сирого. С дорожки я поослаб, выпью чару вина за твое здравие. Давай, наливай!

Барин засуетился, замахал руками, закричал:

— Девки, где вы? Скорей кувшин с водой, рушник с петухами, чарки тащите сюда да сулею с вином. Живо!

— Ты не командуй, а сам, сам, Кузьма Ерофеич. Из твоих рук мы с героем по чарке примем.

Спустя минуту барин наливал две большие чарки.

Первую он поднес фельдмаршалу, низко кланяясь, изгибаясь дугой. Вторую — с мрачным видом сунул отставному солдату и сквозь зубы процедил:

— Пей!

— Во славу русского воинства! — подсказал барину Суворов.

— Во славу русского воинства! — угрюмо повторил помещик.

— Во здравие твое, Александр Васильевич, — опрокинул Игнат чарку и, крикнув, вытер сивые усы рукавом холстинной рубахи.

Так старинный сказ о Суворове стал нашим достоянием.

ДОРОГАЯ НАГРАДА

Суворов никогда не носил при себе кошелька, но любил награждать солдат деньгами — серебряными рублями и полтинами.

Когда ему приходилось давать такую награду, он говорил адъютанту:

— Дай-ка, братец, целковый богатырю, с тобой дома сочтемся, — и вручал рубль солдату.

Рубли и полтины, полученные из рук Суворова, передавали из поколения в поколение от отца к сыну, от деда к внуку.

Потомки суворовских солдат ревностно следили за тем, чтобы суворовский рубль или полтина хранились в доме на самом почетном месте.

Хотя со дня смерти полководца прошло более полутора столетия, однако память о нем жива среди советских людей. И жива она благодарностью народа к великому предку, поднявшему свой голос в защиту простого мужика в суровый век крепостного гнета.

Это он, Суворов, не побоялся заявить царям: «Солдат дороже всего». Это он учил: «Каждый солдат свой маневр понимать должен». Это он называл своих солдат «братцами», «детушками», «чудо-богатырями русскими».

«Ты — русский, ты все умеешь!» — этими словами вселил он веру в свои силы в русских солдат.

Вот почему так бережно хранятся до наших дней эти рублевки и полтины.

Отыскивая суворовские памятные вещи, как их называют — реликвии, я не один раз слышал, что в Ленинграде у какого-то коллекционера хранится суворовская полтина. Признаться, я очень хотел найти ее. Говорили, будто она имеет интересную историю.

Однажды я и несколько моих товарищей офицеров собрались провести вечер у нашего старого знакомого, известного оружейника, полковника в отставке Владимира Иеронимовича Маркевича. Всех нас объединяло увлечение военной историей родной страны.

Совсем недавно полковник написал книгу. В ней живо и увлекательно излагалась история охотничьего оружия. Мы все читали книгу. Она нам понравилась. Теперь, находясь в гостях у автора, мы рассчитывали услышать от него какую-нибудь занимательную историю, которая не попала на страницы книги, но могла развлечь нас, доставить нам удовольствие.

Разговорившись о судьбе суворовских рублей и полтин, я посетовал на то, что никак не нападу на след одной такой награды.

— Не той ли, что находится у меня? — спросил, улыбаясь, полковник.

Я сначала даже растерялся, но, быстро придя в себя, напустился на него:

— Выкладывайте свою историю сейчас же, нечего таить ее от людей!

Наш хозяин рассмеялся, достал из ящика письменного стола объемистую клеенчатую тетрадь и, полистав ее, предложил послушать небольшую историю о пребывании Суворова на Кубани.

— Так, рассказец! — скромно назвал он свои записи. — Вот послушайте.

И мы услышали историю о суворовской полтине.

Камыши догорали...

Солдаты рубили кустарник, выжигали желто-рыжие заросли вдоль берегов Кубани. Сизо-черные лохмотья дыма плыли по низине, медленно поднимаясь над ленивыми языками пламени. Огонь с хрустом и треском пробегал по пучкам промерзшего прибрежного камыша.

Командир Кубанского корпуса, генерал-поручик Суворов скакал вдоль берега и видел: куда ни глянь, всюду трудятся солдаты.

В одном месте они насыпали земляные валы, в другом копали рвы, дальше, вверх по реке, воздвигали засеки, прокладывали дороги.

— Знать, не ошибся я, устроив работные армии! — думал Суворов, видя, как вдоль бурной реки многие сотни людей сооружали задуманный им «Кубанский кордон».

Стоял февраль 1778 года.

Зима в этом году выдалась без снега, с легкими морозцами. На речках вода никак не могла замерзнуть, но в открытой степи дули холодные ветры, целыми днями хлестали дожди.

Обозы с воинскими припасами задерживались на разбитых ненастьем дорогах. Телеги с грузами тонули в грязи по спицы.

Суворова не останавливало ни бездорожье, ни ненастье, ни затяжные дожди.

«Надо спешить! Враги не спят! Они могут высадить свои войска в устье Кубани, ударить через степь на Дон, отрезать Крым и — прощай тогда Черное море! А без него не жить нам! Еще царь Петр воевал его, Черное море!» — мелькали в голове Суворова тревожные мысли.

В декабре 1777 года генерал-поручик Суворов принял Кубанский корпус.

Весь январь следующего года он осматривал линию постов по берегу Азовского моря, от устья Дона до устья Кубани, изучая край.

Командир корпуса видел: на юг от Дона расстилались безлюдные степные просторы.

Турки не уставали подстрекать горцев к набегам на донские казачьи станицы.

У самого устья Кубани, на полуострове Тамани, стояла турецкая крепость. Турки грозились высадить свои войска и пожечь приазовские степи.

Все это знал Суворов и решился на смелый шаг.

— Нет, не строить дальше задуманную светлейшим князем Потемкиным Азово-Моздокскую укрепленную линию, — доказывал он офицерам своего корпуса. — Там, за рекой Кубанью, ближе к Кавказскому хребту должны мы завязать узелок на шее у турка!

Офицеры не понимали, что «затекает», как говорили они, их новый командир корпуса.

А он, пылкий, нетерпеливый, требовал мгновенного исполнения своего замысла.

— Кубанский кордон безотлагательно начнем строить! — говорил он. — Правый фланг линии светлейшего перекинем верст на триста на юг, в степи, от устья Дона к устью Кубани.

Три тысячи солдат выделил командир из своего корпуса на постройку Кубанского кордона. Две «рабочие армии» в семьсот человек строили, остальные солдаты охраняли работающих от набегов.

Суворов сам руководил работами. Целыми днями носился он на своей низкорослой лошадке от одной рабочей армии к другой, от заставы до заставы, от пикета к пикету. Он разъезжал по всей линии, от Тамани до устья Лабы, где подбадривал уставших, где отменял неудачный приказ, где делал разнос нерадивым.

Однажды в теплый мартовский день заехал он далеко на север, к самой Кавказской линии, и стал на дневку в станице подле крепости Кизляра. Станица та село не село — стан, становище. Кругом вал земляной, а по-за ва-

лом хатки — мазанки, из глины сбитые, соломой крытые, белым белые, словно утицы белоперые с желтым хохолком.

По валу вестовые стоят, махальщики, дневальные с ружьем, шашкою, закубанца стерегут, не набежали б на станицу из степей-гор, не пожгли б ее, не пограбили. В хатках казаки живут, хлеб сеют, ружья из рук не выпускают, стерегут рубежи родной земли.

Суворов приехал в станицу. Зашумел станичный народ. Такое событие. Корпусной командир, большой генерал, победитель турок — в казачьей станице.

К дому, где остановился на ночлег генерал, пришли старики казаки, соратники Суворова. Они несли хлеб-соль почтить дорогого гостя.

Суворов принял подношение, поцеловал пшеничный каравай, поблагодарил стариков за внимание.

— Никак Кайдаш, старый волк! — взгляделся он в крепкого еще казака в широких синих шароварах, белой холщовой рубашке и черной папахе на голове.

— Так точно, Николай Иванов Кайдаш! — осклабился казак, вытягивая руки по швам.

— Евтюх Козулин, ты?

— Я, Евтюх Козулин! — стал рядом с Кайдашем еще один старый казак с горящими радостью глазами.

— Никифор Галайда? — удивлялся генерал. — Да что вы, братцы, побойтесь бога! Что мы, под Козлуджей? И ты, Калистрат Моргун, тут?

— Точно так, тут я! — мощным басом загудел рослый казачина с выбивающимся из-под высокой папахи седым чубом.

— Э, да здесь старых знакомых — пруд пруди! Чай, награждал я вас за службу верную, за отвагу, за мужество?

— Так точно, награждали! Нас с Калистратом за Козлуджу медалями пожаловали. А вот их, — казак указал на Кайдаша и Козулина, — за Гирсово.

Николай Кайдаш, коренастый, седой казак с длинными сивыми усами и широкой окладистой бородой, вышел вперед и поклонился в пояс Суворову:

— Просим завтра поутру к нам на праздник — казаки джигитовать будут, покажут, как владеют конем, шашкой, как пикой управляют.

— Конем да шашкой? — весело поглядел на него Суворов. — Молодцы! Герои! Приду! Как не прийти! Конем и шашкой родину крепите. Погляжу, как владеете.

Рано утром в степи за станицей, сейчас же за окружавшим ее со всех сторон валом, собрались казаки.

Суворов с двумя офицерами и вестовыми подъехал к шумевшим станичникам. Шум мгновенно умолк. Толпа раздалась в стороны и охватила генерала и его спутников полукругом. Направо от Суворова сгрудились казаки, молодые и старые, в мундирах, в чекменях, в черкесках, бурках и барашковых шапках — папахах.

Казачата, лет по десяти-двенадцати, тоже в черкесках, с небольшими настоящими кинжалами на поясах, в белых и черных папахах, опущенных на самые брови, шныряли между взрослыми, выпрашивая у них лошадей, — прокатиться разок.

Совсем махонький, белобрысый казачонок, получив коня, подбросил вверх свою папаху, поймал ее, ударил о сапожок и вскочил с земли на спину коня. Свистнув, он понесся в степь. Следом за ним, сжимая ногами бока лошадей, скакало еще с десяток казачат, догоняя своего товарища. Все они, на быстром беге коней, бросали далеко вперед папахи и, доскакав, поднимали их с земли и снова бросали и летели за ними с гиканьем, воплями, хохотом и криком: «Давай, давай!»

А по левую от Суворова руку сгрудились в тесную разноцветную стайку казачки. Они горделиво глядели то на свое, бесстрашно мчавшееся по степи потомство, то на генерала.

Суворов улыбался. Его глаза горели веселыми огнями. — Ай, хорошо! Ай, лихо! Защитниками отечества растут! — тихо, словно самому себе, говорил он.

Казачата скрылись за изгибом вала. Крики и шум стихли. Старые воины, окруженные молодыми казаками, показывали шашки, кинжалы, ружья и пистолеты, захваченные ими в сражениях. Они вспоминали, как дрались на жизнь и смерть с врагами родной земли. Разглядывая оружие, старики одобрительно покачивали головами, молодые восторженно глядели на хозяев замечательного оружия.

Но вдруг казаки заволновались, зароптали. Расталкивая и старых и малых, через толпу пробирался Кайдаш. На нем были все те же необычайной ширины синие шаровары, белая холщовая рубаха и мохнатая черная папаха, сдвинутая на затылок так, что никто не мог понять, как она держится на этой забубенной голове.

Кайдаш шумел:

— Гляньте сюда, станичники, на пистолет! Наш, тульской работы! Равного ему на свете нет. Головой ручаюсь.

Кайдаш показывал лежавший в его руке большой черный пистолет и еще громче, чем за минуту до этого, начал снова расхваливать его.

— Совсем простой, глядите... Без серебра, без золота, без камней-самосветов, как турецкие да персидские... А бьет? Без промаха бьет! Накажи бог! Я с ним против турков ходил. Под Гирсовом с Александром Васильевичем вместе воевал. Под Козлуджей, на Дунае-реке сражался с нехристями. Двадцать годов мне служит!

И Кайдаш, поворачиваясь направо и налево, все показывал и показывал свой знаменитый пистолет.

В это время заиграла труба, забил бубен.

— Начали! Начали! Пошли! — загудели люди.

Мимо них неслись лавой, в линию, двенадцать казаков с дротиками наперевес. Вот они рассыпались по степи, а за ними скакала живая пирамида на трех вороних конях.

Вверху на плечах дюжего казака с развевающимся на ветру смоляно-черным чубом стоял лет шести казачонок в белой черкеске и папахе. Он размахивал маленькой шашкой и что-то пронзительно кричал.

Бил бубен, трубила труба.

Казаки показывали свое искусство в джигитовке. Они рубили на скаку лозу, неожиданно валились с лошадей и повисали у них сбоку головами книзу, будто невидимая сила бросала их из седла и они вот-вот упадут мертвыми под ноги своим бешено мчавшимся коням.

Проходила секунда, другая, раздавался пронзительный свист, на спинах лошадей внезапно вырастали фигуры всадников в черкесках, и всё это с гоготом и воинственными криками неслось по кругу. В руках казаков сверкали клинки сабель, хлопали выстрелы пистолетов и ружей.

Среди этих неистово скакавших, рубивших и стрелявших людей особенно выделялся Кайдаш. Казалось, что конь и казак неотделимы друг от друга, так слились они в беге.

Конь вытягивался в струну и как бы повисал в воздухе. Казак швырял изо всей силы вверх свою шапку, стрелял в нее из пистолета и ни разу не промахнулся.

Скачка кончилась. Суворов подозвал меткого стрелка и, разглядывая пробитую пулями папаху, спрашивал, где и как он научился такой отличной стрельбе.

— «Кунаки» у меня тут, всё хотят подстрелить, а я не даюсь, отстреливаюсь, вот и научился! — отшучивался Кайдаш. — Да это что? Попасть на скаку в папаху, правда, трудновато, а вот, стоя на земле, пробить пулей из пистолета чужак — еще труднее. Если почтете вниманием, попробую!

С этими словами он снял с ноги кожаный туфель-чужак, размахнулся и подкинул его кверху. Выхватив из-за пояса пистолет, он, не целясь, выстрелил.

Пробитый пулей туфель упал на землю.

— А ну, еще разок! — попросил Суворов, с удивлением поглядывая на стрелка.

Кайдаш довольно улыбнулся, быстро подбросил чужак сверху, выстрелил и пробил его пулей еще раз.

— Орел! — похвалил Суворов казака.

— Лучше него у нас в станице никто не стреляет, — сказал, подъезжая ближе к Суворову, станичный атаман в красной черкеске и с лицом, посеченным ударами шашки.

— Бывало поставит на кол куриное яйцо, за двадцать шагов пальнет из своей пистолы — и нет того яйца.

— Верю, бьет Кайдаш по-казацки, наверняка! — одобрил Суворов и, повернув к адъютанту коня, приказал:

— Распорядись, голубчик, дать богатырю пороху и свинца на сто выстрелов. Это от казны! — засмеялся он. — А от меня возьми за меткую стрельбу полтину!

...Всея станицей провожали Суворова казаки. Старики, верхом на лошадях, скакали рядом с ним. Лучшие наездники охраняли его путь.

— Не скоро расстались с ним станичники и всё звали приехать снова погостить у них, посмотреть, как живут «линейные» люди, как берегут рубежи.

Прошло много лет. Кайдаш хранил суворовскую награду и никогда не расставался с нею.

Умер старый казак. Полтина перешла к его сыну, потом к внуку и правнуку.

Вышло так, что лет семьдесят с лишним назад лесничий из терских казаков и сам добрый казак написал поэму «Война 1812 года». Он рассказал в ней, как казаки славно воевали в годы Отечественной войны с Наполеоном.

Стихи казачьего поэта дошли до терцев и кубанцев и порадовали их. Прочитав поэму, они послали автору в подарок двуствольное охотничье ружье работы знаменитого русского мастера. К прикладу ружья казаки прикрепили по старому обычаю «зерцало» с памятками — тремя серебряными монетами. Среди них находилась монета 1740 года, полученная Кайдашем от Суворова.

В письме к подарку они рассказали, что последний из потомков казацкого рода Кайдаша оставался без наследников мужчин. Он не хотел, чтобы фамильная реликвия попала в женское монисто и послал полтину в дар поэту, а тот написал еще одну поэму: «Ружье с Кавказа».

Несколько строк поэт посвятил суворовской полтине. Простые, безыскусные стихи сохранили нам легенду о славном казаке Кайдаше.

— Вот и весь рассказ, — сказал полковник, закрывая тетрадь.

— Вы хотите знать, где находится ружье с суворовской полтиной? Оно перед вами на стене. Его сберегла моя мать, жена поэта, воспевшего удалые дела казаков.

ИЗМАЙЛЬСКИЕ ПУШКИ

Рабочий день начался, как обычно.

Несколько минут ушло на утреннюю «прогулку» по безлюдным еще залам музея. Это являлось как бы зарядкой перед трудовым днем.

Тихо в эти часы в музейных залах. Идешь по ним, бросаешь рассеянный взгляд на расположенные справа и слева, казалось бы, самые обыкновенные вещи и вспоминаешь историю каждой: почему она здесь, о чем должна говорить людям, к чему призывать, что прославлять. Ведь все они, эти вещи, потеряли свое будничное значение.

Попав в музей, они стали историческими экспонатами. За каждой — сто, двести, триста, а то и еще большее количество лет существования. Если же какая-нибудь насчитывает меньше, так у нее такая громкая история, что остановишься перед ней и невольно заговоришь шепотом.

Нет, все спокойно в залах, все на своих местах, все готово к встрече с любознательными посетителями. Пора приниматься за «текущие дела».

Шел второй год с того дня, когда окончилась Великая Отечественная война с фашистами.

Патриотические чувства советских людей достигли большого накала. Любовь к своей родине, гордость за ее

настоящее и прошлое толкали их на необыкновенные дела.

Рядовые люди, не ученые историки, а рабочие, колхозники, инженеры и техники, врачи, учителя, агрономы, солдаты и офицеры, старались сохранить все, мимо чего пронеслось огненное крыло войны и что хоть немного напоминало о славе родной земли.

Отдел пополнялся все новыми и новыми экспонатами.

Увидев меня, полковник, мой начальник, известный военный историк, протянул телеграмму.

— Почитайте-ка!

Я прочел вслух:

«Комсомольцы города Изманла посылают в дар музею две старинные пушки весом одна — тонну, другая — полторы тонны, подготовьте выгрузку, встречу

Иван Буталов».

— Кто он, этот Буталов? — спросил начальник.

Я пожал плечами.

— Не знаю! Хотя!.. — Я задумался, стараясь вспомнить, где мне приходилось слышать это имя.

— Позвольте, позвольте! Иван Буталов? Ах, да!..

И я вспомнил 1940 год, двадцать пятую пехотную имени Чапаева дивизию, Изманл, старого школьного учителя, «отца Иринея», как звали его школьники, и его ученика, любителя-археолога, Ивана Буталова.

Так значит он жив, этот порывистый, решительный юноша.

— Что ж, готовьтесь к торжественной встрече, — сказал начальник. — Пушечки-то, небось, не простые. С солидной историей пушечки, и репутация у них неплохая!

Дней через пять в музей пожаловал Иван Буталов.

— Секретарь горкома комсомола города Изманла, — представился он.

Меня Иван узнал сразу.

— У вас верная примета, усы кавалериста, да еще такие черные, сами в глаза бросаются! — объяснил он, пожимая мою руку.

— А вот вас, — сознался я, — не узнать. Выросли, возмужали. Только и осталось от прежнего Ивана Буталова, что комсомольский значок на груди да горячее сердце под ним.

Мы с полковником глядели на атлетически сложенного, мускулистого двадцатидвухлетнего парня с загоревшим до черноты лицом, с сверкающими, как угли, цыганскими глазами. Полувоенный, без погон, костюм туго обтягивал крепкую фигуру Буталова с орденом Красной Звезды на гимнастерке.

— Воевали? — спросил полковник.

— С советскими войсками ушел из Измаила, с ними же вернулся туда! — горделиво улыбнулся юноша. — Вместе с учителем!

— Отцом Иринеем? — вырвалось у меня.

— С ним!

— Живой?

— Живой!

Я не выдержал и еще раз крепко потряс руку Ивана Буталова.

— За старика!

— Он еще не старик! Если б к непогоде не ныли кости, — говорит наш учитель, — он бы порылся еще в земле и такие бы экспонаты для музеев откопал, все диву бы дались! Привет вам от него и две чугунные пушки! Принимайте.

С этими словами юноша положил на стол железно-дорожную накладную.

— Комсомольцы города Измаила вместе с Иринеем Федоровичем шлют эти гостинцы в дар ленинградцам.

В тот же день мы выгрузили пушки из вагона и перевезли в музей. Дело оказалось не таким легким, повозились изрядно.

— Досталось и нам, в Измаиле, попотели! Но подарок от всего сердца. От комсомольского сердца! — Иван Буталов прижал правую руку к комсомольскому значку.

Секретарь Измаильского горкома комсомола деловито, без излишней суеты, передавал «комсомольские гостинцы» музею, диктуя для записи в акт их «приметы».

Подойдя к меньшему размерами стволу, он, не торопясь, говорил, следя за тем, чтобы успевали записывать.

— Двенадцатифунтовая русская осадная чугунная пушка. Ствол изготовлен Воронежским оружейным заводом при Петре Первом. Найдена при раскопках у стен крепости Измаил в тысяча девятьсот сорок шестом году.

— Эта пушечка повоевала немало! — прервал Буталова полковник. — Судовая пушка! На судах такие устанавливали. При Петре она под Азов ходила, там из нее стреляли по туркам. Пожалуй, и швед познакомился с нею — на финском взморье, когда петровские полки дрались за выход на Балтику. Так дотянула она до Измаила. Что ж, почтенная биография! Такими пушками артиллеристы Суворова вели перед штурмом огонь по Измаильской крепости. Пишите дальше! — сказал он, отходя от лежавшего на тяжелых брусках чугунного ствола.

— Длина — двести семьдесят сантиметров, — снова принялся за акт Буталов.

— Ого, около трех метров! — воскликнула учетчица, записывая в тетрадку цифры.

Она усомнилась в правильности сведений и для большей точности прошла широким шагом вдоль длинного ствола.

— Три! — отметила она. — Правильно.

— Вес — около девятисот пятидесяти килограммов. Без обмана, по железнодорожной накладной! — усмехнулся секретарь комсомола. — Сдаю полным весом! Прицельная дальность стрельбы — около тысячи метров.

...Сдача пушек закончена, акты подписаны.

— Уф! — выдохнул Буталов. — Гора с плеч! Боялся разбить в дороге. Вещь хрупкая, тонкого обращения! — засмеялся он, складывая вчетверо листок приемо-сдаточного акта.

— Теперь, — предложил полковник, — ко мне в кабинет и выкладывайте историю, как нашли их. Иначе они не могут поступить на «вооружение музея», — улыбнулся он.

— Слушаю! — ответил Буталов и отправился с нами в кабинет начальника отдела.

— Моя история недолгая, — сказал он, стряхивая с гимнастерки едва заметные пылинки. — В тысяча девятьсот сороковом году Бессарабия воссоединилась с Советским Союзом. К нам в Измаил пришли советские войска; мы впервые увидели советских людей.

По нашим улицам проносили красные знамена. Пятиконечные красные звездочки с серпом и молотом посредине на головных уборах советских солдат и командиров поражали нас, мальчишек, своим видом.

— Серп и молот! — шептали мы восхищенно.

— Молот и серп! — громко говорили взрослые, — это эмблема советских людей, эмблема дружбы рабочих и крестьян.

Для вас все это обычные понятия. Для нас в тысяча девятьсот сороковом году это был новый мир, не похожий на то, что мы видели у себя. В наш обиход входили совершенно новые слова и понятия: «товарищ», «коммунист», «партия», «комсомол», «совет». Вчера еще мы не знали этих слов, а если кто и знал, — молчали, так как иначе смельчаков строго наказывали.

Скоро у нас самих образовался Совет рабочих и крестьянских депутатов. Наши отцы и братья стали коммунистами, а мы вступили в комсомол и руководили горластым племенем пионеров.

В Измаиле, как и на всей территории прежней Бессарабии, устанавливалась Советская власть. Сколько счастья, сколько радости переживали люди, освобожденные от власти помещиков, фабрикантов и банкиров. Но недолго оно длилось, это счастье.

Через год началась война. Фашисты напали на нашу родину. Комсомольцы Измаила не могли оставаться в стороне от того, что происходило вокруг.

В знойный июньский день тысяча девятьсот сорок первого года человек сорок комсомольцев шли в город. Там собирались комсомольцы Измаила, отправлявшиеся добровольцами в ряды Советской Армии.

Вдруг совсем близко от старого крепостного вала, остатки которого тянутся за Килийскими воротами, не то из-за какой-то ветхой постройке, не то из полузасыпанного рва послышался выстрел.

— Стреляют! — обернулся кто-то из комсомольцев на шум.

— Ребята дурят! Из пугача бьют! — успокоил другой.

Передние ряды остановились. Задние надвинулись и тоже стали.

В первом ряду, не издав ни звука, будто споткнулся, упал вперед на бок комсомолец Иван Капиев. Шедшие рядом с ним наклонились, хотели помочь парню подняться. Думали, споткнулся, но увидели на его рубашке слева кровь.

Капиев лежал неподвижно. Ряды комсомольцев расстроились. Ребята сгрудились подле упавшего товарища, не понимая, что произошло.

Командир отряда Симон Бука стал на колени, приложил к груди Капиева ухо, попробовал пульс и поднялся.

— Скончался! — глухо промолвил он, срывая с головы кепку.

— Убит! — ахнули комсомольцы.

— Убит!

Судорожно сжимая руками кепки, ребята сняли их с головы.

— Пять человек стоят на месте, двое бегом в райком известить об убийстве, остальные направо, налево, цепью, за мною! — командовал Симон.

Ребята разбежались в стороны по движению его рук.

— Осматривать все внимательно! Подозрительных задерживать! — закричал Бука и быстрым шагом пошел вперед. Комсомольцы двинулись за ним. Они обыскали все на протяжении нескольких километров. К ним на помощь прибежали из города милиционеры, но время было упущено, убийца скрылся.

— Кто-нибудь из недовольных советским строем! — говорили в толпе, собравшейся подле тела Ивана Капиева.

— Диверсанты!

— Наемные убийцы!

— Из богатых! Бедный не пойдет на такое грязное дело!

Иван Капиев лежал почти у самого берега реки, там, где из земли торчали два старых чугунных пушечных ствола.

Рядом с ними стоял школьный учитель, Ириней Федорович Костенко.

Он прожил в Измаиле большую часть своей жизни. Вряд ли можно было найти среди измайльских комсомольцев такого, который не знал бы Иринея Федоровича.

— Товарищи! Мои молодые друзья! — сказал дрожащим от волнения голосом учитель. — Произошло страшное кровавое дело! Подлая рука негодяя стреляла из-за угла, она хотела запугать, хотела остановить вас, но ни запугать, ни остановить вас нельзя. Нет такой силы, что могла бы это сделать. Поклянемся же смести с лица земли всех, кто станет на нашем пути! Наш путь — путь нашей советской Родины. У тела погибшего комсомольца Ивана Капиева, у этих старых чугунных пушек, которые полтора-два года назад штурмовали турецкую крепость Измаил, клянемся отомстить врагу!

— Клянемся отомстить врагу! — грозным гулом присоединились к учителю голоса комсомольцев.

Поздно ночью комсомольцы ушли из Измаила с частями Советской Армии. С ними ушел старый учитель. Молодые бойцы упростили командира полка взять с ними Иринея Федоровича.

— Он не будет в тягость! Дело найдется! Он все умеет! — просили они.

Учителя оставили в полку при штабе чертежником.

Три года прошли мы военными дорогами со своим полком. В конце 1944 года вместе с частями Советской Армии мы вошли в родной город.

Иринея Федорович, передав помощнику свои дела, демобилизовался и вернулся домой к своей жене.

Она ахнула, увидев его в военном костюме с двумя медалями на кителе.

Спустя несколько дней он уже хлопотал в школе.

Скоро демобилизовали и меня. Я стал инструктором горкома комсомола. Месяца через три меня избрали секретарем.

Иринея Федорович не забывал нас, своих старых питомцев. Однажды он, придя в райком, поделился со мною своими заветными думами.

Он хотел сохранить чугунные пушки, подле которых в начале Великой Отечественной войны был убит предателями комсомолец Иван Капиев.

— Пусть комсомольцы откопают их, — излагал учитель свой план, — достанут из земли и отправят в Ленинград, Артиллерийскому музею от комсомольцев города Измаила. Тем более, — говорил он, — что там собираются открывать Суворовский музей.

Мы обсудили на бюро предложение учителя и решили поднять на это дело измаильских комсомольцев.

— И подняли? — хитро улыбнулся полковник.

— Подняли! — ответил ему понимающей улыбкой Иван Буталов.

— Мы пригласили комсомольцев откопать две старые пушки. Что же вы думаете? Все комсомольские организации заявили, что они хотят участвовать в этом. Пришлось отбирать представителей.

Зато работали, как львы!

В ближайший воскресный день у пушек собралось множество юношей и девушек. Ириней Федорович рассказал ребятам, как Суворов готовил штурм Измаильской крепости.

Он достал из кармана пиджака маленькую книжечку и прочитал приказ Суворова войскам у Измаила.

«Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского. Нам предлежит не сражение, которое бы в воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании, и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала, нам остается в третий раз или победить или умереть со славою.»

— Суворов собрал у стен Измаила пехоту, кавалерию и большую флотилию — десантные войска генерала де Рибаса, — говорил Ириней Федорович. — Часть тяжелых орудий сняли с судов и перебросили на берег. Там их установили в линии русских батарей напротив Табнии и южной Килийских ворот. Из этих пушек суворовские артиллеристы производили обстрел бастионов, крепостных башен и стен.

Кончился штурм. Суворовские богатыри захватили крепость. Война скоро окончилась, русские войска ушли на зимние квартиры. Но кругом долго еще сохранялись следы этого беспрецедентного в истории сражения. Там, где некогда стояли грозные батареи, остались брошенные пушки. Они сделали свое дело, отслужили свой век.

Артиллеристы, прощаясь со своими пушками, сбили у них цапфы, заклепали затравочные отверстия, чтобы

враги не могли воспользоваться пушками, и оставили лежать здесь среди зеленой травы, подле разрушенных крепостных стен, как память о тяжком ратном подвиге русских воинов.

— Комсомольцы откопали стволы пушек, отправили их на станцию, и вот я здесь с комсомольским «подарочком», — закончил свой рассказ Иван Буталов.

Чугунные стволы двух старых русских пушек, громивших в 1790 году турецкую твердыню Измаил, поступили «на вооружение» ленинградских музеев, — одна Артиллерийского, другая — имени Суворова.

Там стоят они и в наши дни, напоминая о славе русского оружия.

КОЧУЮЩИЙ ПАМЯТНИК

(История одного завещания)

В 1945 году меня в числе делегатов Н-ского полка направили в город Измаил. Там советское командование готовилось открывать памятник героическим русским войскам, которые под водительством Суворова в ночь на 11 декабря 1790 года беспримерным по отваге штурмом захватили сильнейшую в Европе турецкую крепость.

Нас, делегатов боевого полка, удивило, что инженерные войска Дунайской военной флотилии восстанавливали памятник в самый разгар военных действий в конце 1944, начале 1945 года.

Измаил не так давно освобожден от захватчиков. А вот мы, представители от солдат и офицеров нескольких полков, присутствуем на таком торжественном акте.

По поручению командования генерал Петр Николаевич Громов выступил с речью о заслугах Суворова перед родиной, о славных делах его солдат и офицеров, закончивших тяжелую русско-турецкую войну 1787—1791 годов одним ударом — штурмом Измаила.

Празднество окончилось. В номере гостиницы, где разместились делегаты, я встретился с генералом Громовым. Разговорившись с ним, я узнал, что он уроженец Измаила, долго жил в этом городе. Поэтому-то областной комитет партии и поручил ему провести торжество.

Через несколько часов мы все должны были разъехаться по своим частям, а пока коротали время за разговорами. Вполне понятно, что они вращались преимущественно вокруг открытия памятника.

Генерал предложил нам послушать историю, связанную с этим памятником.

— Это история одного завещания, — сказал он, грустно улыбаясь.

Вот что записал я со слов генерала Громова.

День одиннадцатого декабря 1890 года прошел в Петербурге, Москве, да и в ряде других городов Российской империи несколько необычно. Патриотически настроенные люди отмечали столетний юбилей штурма крепости Измаил.

Особенно шумно проходил праздник в самом Измаиле.

На торжества, как и теперь, приехали представители от полков, штурмовавших сто лет назад знаменитую турецкую крепость. В Измаиле собрались делегации от самых отдаленных городов России. Много крестьян — русских, украинцев, болгар, молдаван и румын из ближних сел и деревень — заполнили улицы города. Они знали о штурме от своих дедов, а те сами принимали в нем участие.

Празднество прошло великолепно. Центром его оказался большой парад войск.

Знамена старых суворовских полков: фанагорийского, суздальского и других, развевались над широким плацем. Они были прострелены картечью и осколками ядер, изорваны вражескими штыками, но слава и доблесть непобедимых русских войск украшала их лучше ярких цветов, лент и позументов. Люди глядели на них с трепетом.

В юбилейные дни представители от полков и городов Российской империи пожелали увековечить подвиг суворовских чудо-богатырей, солдат и офицеров русской армии. Они считали, что для этого лучше всего поставить в Измаиле большой памятник — монумент.

Чтобы дело пошло быстрее, представители избрали комитет и поручили ему хлопоты.

В состав комитета вошел молодой, лет двадцати шести, учитель Измаильской гимназии Николай Григорьевич Громов.

Года за два до этого он окончил историко-филологический факультет Московского университета. Приехав в родной город, в ту же гимназию, где сам еще так недавно учился, он думал перевернуть горы.

Товарищи по службе шептались: «Наш историк с ума сошел. Ему мало учебных часов, так он дает еще дополнительные занятия для желающих. И представьте, совершенно безвозмездно. Читает своим питомцам необязательную по программе литературу, дочитается до вызова к попечителю».

А Громов не думал, что скажет о нем попечитель учебного округа. Он проводил в гимназии литературные вечера, на которых «его питомцы» выступали с отрывками из исторических хроник. Читал с ними пьесы исторического содержания: Шекспира, Шиллера, Островского. С первых дней он развил бурную деятельность в Измаильском обществе любителей истории и древностей. Выступал с докладами и сообщениями о прошлом и настоящем родного города.

Так получилось, что дела комитета по сооружению в Измаиле памятника перешли к Николаю Григорьевичу: то ли потому, что он оказался активнее остальных членов комитета, то ли потому, что горячее других взялся за дело.

Громов обивал пороги городской управы, говорил с гласными местной думы, бранился с чиновниками казначейства.

Городское управление Измаила отпустило на сооружение монумента две тысячи рублей.

— Поймите вы, молодой человек, — увещевал разгневанного Громова городской голова из измаильских купцов-богатеев, — две тысячи рублей! И все рублики — золотом! Это вам не фунт изюма!

— Что же мы можем соорудить за ваши две тысячи рубликов? Цоколь для монумента поставить? Пьедестал? Так и то не хватит! — возмущался учитель.

— А это как вам угодно! Что хотите, то и ставьте! — безразличным тоном отвечал ему голова.

И сколько Николай Григорьевич ни доказывал, что памятник украсит город, прославит его, голова не сдавался.

— Это что же, пятьдесят тысяч наличными за славу вашу прикажете отвалить? Не выйдет! Дорого берете! Мы без нее жили и как-нибудь с господней помощью дальше проживем! Берите две тыщи и баста! А то передумаем!

В полном отчаянии покинул Громов городскую думу.

Николай Григорьевич отдался одной мысли: во что бы то ни стало выполнить волю народа. Он стал писать во все концы письма и ходатайства. Просил, доказывал, умолял, убеждал, возмущался и надоедал всем, кто только мог помочь, а больше всего остальным членам комитета. Он требовал от них помощи. Он вовлекал их в хлопоты по сооружению памятника.

После долгих проволочек из Петербурга пришло разрешение собирать пожертвования среди населения.

Громов потерял покой. Он не давал житья ни членам комитета, ни членам городской управы, ни гласным думы. Привлек к делу членов местного общества любителей истории и древностей.

Поражались, как учитель справляется с огромной перепиской, связанной со сбором средств на памятник, со всеми делами по его сооружению. А учитель не унывал. Он не оставался в одиночестве ни одного дня.

Ходатайства и прошения, ответы на письма, заявления и справки составляли его ученики. Николай Григорьевич сумел увлечь их этим высокопатриотическим делом, и они с охотой выполняли все его поручения.

«Департамент по сооружению монумента героям Измаила» — так в шутку именовали школяры затеряв-

ший среди густо разросшихся деревьев домишко Николая Григорьевича на тихой улочке Измаила.

Сюда, в этот «департамент», сходились все нити задуманного предприятия. Здесь можно было увидеть и мастерового судоремонтного завода, и железнодорожника из паровозного депо, и адвоката, и канцеляриста. Всем им находил Громов занятие. Всем давал поручения: кому переговорить с влиятельным лицом, кому подтолкнуть застрявшее в канцелярских дебрях прошение, а кому и рассказать у себя на заводе или в депо о значении сооружения монумента.

Хлопоты комитетчиков увенчались успехом. Простой народ, горожане и крестьяне, мастеровые и ремесленники понесли свои пятаки и гривенники. Раскошелились и купцы. Потянулись за ними чиновники. Солдаты отрывали от своего скудного пайка по копейке, по две копейки и отсылали их в Измаил. Офицеры собирали отдельно.

Деньги на сооружение памятника поступали в Измаил со всех концов русской земли.

Городской голова пожимал плечами. Он принимал теперь учителя в своем кабинете безотказно, когда бы тот ни пришел, и даже называл его не «господин Громов», как было вначале, а «дорогой мой Николай Григорьевич».

А дорогой Николай Григорьевич действовал по старой народной пословице «вода камень долбит».

— Фу-ты, какой, отбоя от тебя нету! — жаловался городской голова, вытирая фуляровым платком испарину со лба. Его утомили бесконечные проекты беспокойного учителя.

— Тебе бы торговлей заниматься! Купец из тебя первогильдейский! — одобрял он порой неутомимого общественного деятеля.

Усилиями комитета и вовлеченной в этот, по словам городского головы, «коловорот» думы весной 1912 года на центральной площади города разбили парк с редкими породами деревьев. В парке оставили место для памятника.

По совету приглашенного из Петербурга архитектора памятник задумали поставить на высоком холме, чтобы он напоминал Трубчевский курган, с которого Суворов руководил штурмом.

Двадцать два года собирал учитель средства, готовился к сооружению памятника и все не мог приступить к делу. То не хватало средств, то не могли достать бронзу. На этом едва не закончилась вся история.

Трудно приходилось учителю. Порой он хотел махнуть на всё рукой и заняться другими делами, но не позволяла совесть. И когда, казалось, дело приближалось к концу, когда уже готовились заказывать в Петербурге проект монумента, — Николай Григорьевич прочитал в газетах, что военные историки столицы получили «высочайшее соизволение» на сооружение памятника. Но его наметили поставить не в Измаиле, а на Рымникском поле сражения, на месте блистательной победы суворовских войск над турками в 1789 году. На сооружение этого памятника правительство отпустило средства.

Прочитав это известие, Громов растерялся.

— Как же так! — разводил он руками. — Выходит, что двадцать с лишним лет трудов, хлопоты, переписка, проекты, подготовка — всё по боку! Никому не нужно!

Он прочитал газету во второй и в третий раз. Успокоился.

«Хорошо, — рассуждал он, — допустим, нам не удалось пока поставить в Измаиле памятник бессмертному подвигу русских людей. Это так! Зато другие оказались более удачливыми. Их старанием поставят не менее величественный монумент. Он отметит важное в истории нашего народа событие. Обидно только, что этот монумент соорудят за пределами нашей родной страны, в Румынии. Мало кто из русских людей увидит его. Зато он расскажет о славе русского оружия другим народам. Пусть они узнают, как русские солдаты дрались с турками, освобождая румынский народ от турецкого ига».

Много передумал в этот раз Николай Громов. И расстроился он и порадовался, а главное, решил не складывать оружия, не сдаваться.

«Никто же не распускает комитет. Никто не запрещает ставить монумент в Измаиле, — думал он и решил: — Надо работать!»

Приближалась сто двадцать пятая годовщина того дня, когда Суворов, имея под своим командованием около двадцати пяти тысяч солдат, разбил на реке Рымнике сто тысячную армию турок. Громов понимал, что в такое время не до Измаила. Сейчас все внимание должно быть обращено не на Измаил, а на Рымникское поле сражения.

Он узнал, что сооружение памятника для Рымника поручено одесскому скульптору Эдуардсу, дипломату Российской академии художеств, ваяния и зодчества. Эдуардса торопили.

Дела в Европе складывались для царского правительства неблагоприятно. Европейские журналисты писали о слабости русской армии. Надо было напомнить о славе русского оружия, припугнуть тех, кто шумел. Сооружение памятника, посвященного отваге и доблести русских воинов, чуть ли не в центре Европы казалось, по мнению царских сановников, наиболее подходящим выходом из положения.

По этой причине открытие памятника решили ускорить: его открыли в 1913 году, в сто двадцать четвертую годовщину разгрома турецкой армии.

На торжества приехали делегации от воинских частей русской и австрийской армий. Этими полками сто двадцать четыре года назад командовал на поле битвы у реки Рымник Суворов.

Громову удалось побывать на празднике, и он потом с увлечением рассказывал в Измаиле:

— Представьте себе высокий пьедестал из гранита, а на нем — бронзовая статуя! Суворов верхом на лошади. Вот и все. Но сделано чертовски талантливо! Полководец

со шляпой в руке приподнялся на стременах. Его лошадь еще не успокоилась от шума сражения, ее бока нервно подрагивают. А Суворов глядит на проходящие мимо войска. Его глаза горят. Он приветствует победителей.

Больше всего поразила Николая Григорьевича выдумка строителей памятника. Его отлили из бронзовых трофейных пушек, взятых русскими солдатами в сражениях с турками.

— Отлично придумали! — восхищался Громов и тут же со вздохом добавлял: — Правда, военные историки могли получить их, а нам не под силу. Не дали б нам столько трофейных пушек.

Это событие только на время отвлекло внимание народа от Измаила. К учителю приходили люди. Они роптали.

— Что же, Николай Григорьевич, так и не доскачет до нас Суворов? На Рымникском поле поставили памятник, а мы что же? Для того ль народ деньги собирал, чтоб в кубышке держать!

Громов переживал всяческие задержки не менее болезненно.

В начале 1914 года об установке памятника в Измаиле заговорили еще требовательней.

— Чего ждем? Деньги собраны. Пора ставить и у нас! — ворчали одни.

— Стыдно сказать, четверть века всё только собираемся! — досадовали другие.

Громов нервничал, волновался, выходил из себя, а дело двигалось вперед медленно. Городская дума вместо помощи чинила одни препятствия. Без нее члены комитета не имели права расходовать собранные деньги, а городской голова и его помощники твердили одно:

— Куда спешить? Не на пожар! Семь раз отмерь, говорят, один — отрежь! Так-то!

Наконец, в мае состоялась закладка памятника. По обычаю, в углубление фундамента положили часть боевого

знамени суворовских времен и акт закладки в металлическом футляре.

Николай Григорьевич преобразился. Несмотря на то, что ему уже шел пятидесятый год, он чувствовал себя так, словно двадцать четыре года назад.

— А всё же приятно дожить до того дня, когда дело, за которое ты взялся, завершается! — говорил, радуясь, учитель, оглядывая окруживших его плотной стеной людей. Среди них находилось немало его питомцев. Там стоял и его сын, Петр Громов, верный помощник отца.

По настоянию учителя разработку проекта памятника для Измаила поручили тому самому Эдуардсу, который год назад создал памятник для Рымникского поля.

Всё предвещало скорый конец, как вдруг разразилась русско-германская война. Работу по сооружению памятника прекратили.

Отчаянию Николая Григорьевича не было предела.

— Видно, не мне кончать это дело! — покачал он головой и задумался.

Николая Григорьевича, офицера запаса, скоро взяли в армию. Уходя из дому, он призвал своего сына Петра. Тому недавно пошел девятнадцатый год. Петр заканчивал гимназию и собирался стать, как и его отец, педагогом, обязательно историком.

— Наступил час, Петя! О нем я говорил тебе не один раз. Что случится со мною, не знаю. Тебе завещаю довести до конца начатое мною. Это мое, отцовское, завещание. Дай слово выполнить его.

Сын поклялся выполнить волю отца.

Николай Григорьевич ушел на фронт.

Измаил жил напряженной жизнью прифронтного города. Война затягивалась. Линия фронта приближалась к Рымникскому полю, на котором стоял памятник Суворову.

Решено было разобрать памятник и перевезти его в Одессу, подальше от места военных действий. Работами

руководил Эдуардс — автор монумента. Разбирали солдаты саперного батальона.

Часть, в которой находился в это время командир пехотной роты штабс-капитан Громов, стояла поблизости. Николаю Григорьевичу удалось вырваться к памятнику.

Он видел, как подле солдат озабоченно суетился однорукый старик, это был румын — крестьянин из лежавшего поблизости селения. Бездомный и беспомощный, он пристал к саперам, отыскивал им броды через речки, служил проводником, а они кормили его, добродушно величая его «наш мош Ион», что означало «наш дядя Ион».

Старик говорил, что правую руку он потерял в русско-турецкую войну на Балканах. Он воевал вместе с русскими. И дед его ходил с русскими солдатами против турок. Вместе свободу румынам отвоевывали. А прадед помогал самому Суворову. Возил ему под Измаил припасы: сено и мамалыгу.

— Как же после этого не помочь русским солдатам! — говорил румын.

Наблюдая, с каким угрюмым видом саперы разбирали бронзовую статую полководца, штабс-капитан так болезненно переживал эту операцию, словно его самого хоронили заживо. Скульптор, заметив состояние Громова, рассердился.

— Что же вы, штабс-капитан, полагаете лучше оставить его на месте?

Николай Григорьевич ничего не ответил и, взмахнув безнадежно рукой, отправился к своей роте.

В 1916 году памятник разобрали. Все бронзовые части вместе с фигурной решеткой перевезли в Одессу и сложили на литейном дворе Эдуардса.

На Рымникском поле, где вновь развернулась кровавая битва, остался напоминанием о подвиге суворовских солдат высоко поднявшийся над степными травами массивный гранитный пьедестал. На нем еще месяц-другой назад бронзовый Суворов на бронзовом коне устраивал свой

последний смотр русским полкам, проходившим на запад. Там их товарищи в неравном бою дрались с австрийскими и германскими войсками.

Николай Григорьевич Громов не вернулся в свой родной город. Он погиб в начале 1917 года.

Наступил 1918 год. Во всех уголках русской земли кипело и бурлило. Рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, опоясанные патронами, обвешанные гранатами, с винтовками в руках, дрались под красными знаменами.

Румынское королевство, в котором хозяйничала вильгельмовская Германия, захватило Измаил и много других сел, деревень и городов по Днестру.

Жена и две дочери покойного Николая Григорьевича оказались за пределами родной страны. Петру Громову удалось уйти из Измаила с последними частями революционно настроенных войск бывшей царской армии.

Петр Громов, молодой человек двадцати двух лет от роду, не растерялся в тяжелых условиях. Он во всем походил на своего умершего отца: такой же, как тот, пытливый, настойчивый, с огоньком в сердце.

С полком революционных войск, скоро реорганизованным в пехотный полк Красной Армии, Петр Громов прошел тяжелый путь поражений и отходов в 1918 и закончил его вместе с ним в 1920 году победой над врагами республики рабочих и крестьян. Что с матерью и сестрами, оставшимися в Измаиле, Петр не знал. Сперва он тосковал, придумывал тысячи планов, как вызволить их. Постепенно боль разлуки сгладилась. Жизнь брала свое. Нужно было жить, и не как-нибудь, а достойно.

По окончании гражданской войны штаб армии направил Петра Громова в академию.

— Изучай теорию, проверяй полученную в боях практику. Советскому государству нужны свои образованные офицеры. Иди, учись! — напутствовал его командир дивизии.

Годы учебы в академии промелькнули быстро. А там началась полная забот и тревог жизнь кадрового офицера советских войск.

Время шло.

Петру Громову дали полк, который входил в состав войск гарнизона Одессы. Здесь полковник Громов отыскал литейный двор Эдуардса. Во дворе лежали поросшие бурьяном части бронзового памятника с Рымникского поля. Он не нашел уже там художественной фигурной решетки, которая когда-то обрамляла монумент. Ее перелили на бронзу.

Полковник не забыл о завещании своего отца. Он решил пока что предохранить старый памятник от всяких случайностей.

Его хлопоты увенчались успехом. Областной исполнительный комитет разрешил вывезти бронзовую статую со двора Эдуардса и поставить на временном фундаменте подле здания Одесского художественного музея.

Зеленые кущи деревьев окружали полководца. Кажется, он рвется вперед и зовет за собою советских бойцов, красноармейцев и краснофлотцев, остановившихся подле бронзового изваяния.

«Сколько сил, сколько труда вложил мой отец, чтобы поставить в царское время по желанию народа памятник в Измаиле. Вся жизнь человека ушла на это — и ничего! — думал полковник. — Нет, нет! — решил он. — Труд отца не пропадет. У меня есть завещание. Я клялся выполнить его...»

Спустя два года фашисты двинули свои дивизии на «завоевание Европы». Советские войска, по зову своих братьев, вошли в Измаил.

Одними из первых на улицы освобожденного города ступили солдаты полковника Громова.

Жители Измаила ликовали, раздавались крики: — Родные наши! Освободители!

Впереди своего полка шагал Петр Громов. Он ждал, что вот-вот цепь людей у обочины дороги разорвется и к нему подбежит его старая мать. Она узнает в седеющем офицере своего сына. Он не сомневался в этом. Но ни мать, ни сестры не выходили из толпы.

То справа, то слева выбегали на дорогу одетые в светлые праздничные одежды подростки с букетами.

— От братьев и сестер! — говорили они, и улыбка озаряла их лица.

Полковник принимал от них цветы и передавал следовавшим за ним командирам, а те — солдатам. По мере продвижения букеты переходили из передних рядов в средние, а оттуда в самые задние. Скоро вся колонна оказалась украшенной яркими цветами.

Так, полк за полком, продвигалась Советская Армия по землям освобождаемой Бессарабии и Западной Украины.

Не станем описывать встречу полковника со старухой матерью и сестрой. Вторая сестра не дождала до радостного дня. Она умерла года за два до этого.

Двадцать два года Измаил находился под чужой рукой. И все же люди не хотели забыть, что они русские.

Недели через две после того, как в город вступили советские войска, к начальнику гарнизона, полковнику Громову, явилась делегация.

— Хорошо бы отметить такой день по-особенному! — говорили делегаты. — Вот, к примеру, в Одессе должна быть статуя Суворова на коне. На нее деньги собирали по подписке. Народ давал. Народные средства. И заказали где-то в Одессе. Надо найти ее и поставить в Измаиле.

Как ни убеждал полковник, что статуя Суворова на коне, установленная в Одессе года два назад, не имеет никакого отношения к измайльцам, ничто не помогало. Его слова не действовали. Делегаты стояли на своем.

Они требовали от начальника гарнизона, чтобы тот принял от них ходатайство перед Советским правитель-

ством. В своем письме делегаты просили отыскать и установить в Измаиле заказанный еще в 1914 году на народные деньги памятник в честь героического штурма крепости.

Полковник с волнением оглядывал настойчивых делегатов и обещал передать их просьбу по назначению.

— Как не передать! — услышал он суровые слова старого рабочего. — Ты, чай, будешь из Громовых! Мы знали твоего отца! Он бы передал!

Громов-сын постарался, чтобы письмо измайльцев дошло до сведения Советского правительства. Он лично доставил в политуправление армии просьбу своих земляков, адресованную Михаилу Ивановичу Калинин. В политуправлении отнеслись к ней внимательно.

Скоро измайльцы узнали о решении правительства передать трудящимся Измаила статую с Рымникского поля, а заодно отпустить средства на ее перевозку и установку.

— Наконец-то! — поздравляли друг друга старики.

— У нас в городе поставят замечательный памятник! — делились новостью юноши и девушки.

— Наконец-то! — пожал морщинистую руку матери Петр Громов.

Но радость была преждевременной. Летом 1941 года фашисты напали на Советскую страну, и только через три года оказалось возможным выполнить волю народа.

Еще шла война, еще добивали остатки яростно сопротивлявшегося врага, а ходоки от вторично освобожденного Измаила уже ехали в Москву. Там, на приеме у Михаила Ивановича Калинина, они просили отправить к ним из Одессы бронзовую статую прославленного полководца. В доказательство своих прав ходоки показывали решение Советского правительства от 1940 и наказ делегатов от 1890 года.

Михаил Иванович добродушно улыбнулся.

— Это сколько же вы, бедняги, хлопочете? Почитай шестьдесят лет! — сказал он.

— Тридцать лет мы ждем его к себе, — заволновались ходоки, — да почти столько хлопотали при царском строе. Заждались!

— Теперь, мне думается, — уверенно ответил им Калинин, — вашим хлопотам приходит конец. Памятник воинской славе русских людей скоро будет стоять в Измаиле!

— Будет, Михаил Иванович! — с такой же уверенностью подтвердили делегаты, словно они сами решали вопрос.

В 1945 году командование Советской Армии установило, наконец, памятник на центральной площади Измаила. Его поставили на том самом месте, где тридцать лет назад происходила закладка.

Все эти годы лоскут боевого суворовского знамени и акт закладки хранились в земле. Старики старожилы вырыли их, как только в Измаил пришли советские войска, и передали генералу Громову.

Таким образом мы узнали, что памятник кочевал с места на место, пока не стал навечно у остатков стен покоренной Суворовым турецкой крепости. Он, наконец, стал там, где должен был стоять еще полвека назад.

Прошло еще девять лет. Советские люди праздновали трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. На празднике в Москве я снова встретил генерала Громова. После 1945 года мы поддерживали с ним связь и сговорились повидать в Москве друг друга.

Он, в пятьдесят с лишним лет, наконец-то начал заниматься, как сам сказал, «настоящим своим делом». Генерал уже несколько лет вел в Военно-инженерной академии курс истории.

Историк по призванию, он с увлечением читал молодым офицерам лекции. Особенно он любил раздел восемнадцатого столетия. Генерала считали крупным знатоком

эпохи преобразователей русской армии — Румянцева, Потемкина и Суворова, продолжателей дела Петра Первого.

— Украинцы не забыли, — говорил мне генерал. — Они помнят, что Суворов со своими чудо-богатырями немало потрудился на украинской земле. Знаете ли вы, в Тульчине готовятся открыть памятник Суворову, да, да! В самые ближайшие дни! И какой памятник, если бы вы знали. По модели скульптора Эдуардса! Как тот, что стоит в Измаиле! Помните? Молодцы!

Мы разговорились с генералом, и он привел пример, как далекое прошлое перекликается с настоящим днем. Он достал из кармана кителя тщательно сложенный четверолисток бумаги, развернул его и вынул оттуда другой, поменьше размером.

— Вот посылайте! — сказал генерал. — Я прочту вам надпись на постаменте памятника Суворову на Рымникском поле. Ее прикрепили в наши дни румыны. Вот она!

Громов отставил листок на вытянутой руке подальше от глаз и прочитал:

«Этот памятник будет восстановлен в знак признательности и дружбы румынского народа с великим советским народом. Он был воздвигнут в честь победы над турецкими поработителями, одержанной русской армией под водительством блестящего полководца, генералиссимуса А. В. Суворова на Рымникском поле битвы 22/IX 1789 года.

В рядах русской армии сражалось много румынских добровольцев.

Вечная слава непобедимому полководцу А. В. Суворову, который сражался за освобождение нашего народа из-под турецкого ига».

СУВОРОВСКИЙ РУБЛЬ

История о находке суворовского рубля — это история не одного дня. Началась она в мои молодые годы, а закончилась совсем недавно.

Она еще раз показывает, каким терпением и настойчивостью должен обладать музейный работник.

Впервые я услышал о суворовском рубле в 1920 году.

Шла война с панской Польшей. Белополяки Пилсудского хотели захватить богатые, плодородные земли Украины. Войска Красной Армии с Дона, Кубани, Урала и Москвы спешили на помощь украинскому народу. Спешил туда же и я — командир эскадрона буденновской конной армии.

Мой полк остановился на двухдневный отдых недалеко от Винницы. Здесь мне пришлось повстречаться с таким же, как я сам, молодым командиром, уроженцем небольшого украинского городка Тульчина.

Савва Сила, так звали моего случайного друга, с увлечением рассказывал о родном городе, о селе Тимановке, о дремучем лесе, что раскинулся кругом на многие версты, о душистых яблоневых садах, о тихой речке Руднице, протекавшей вблизи села.

— До той Тимановки от нашего города рукой подать! — уверял меня Савва.

Послушать его, так на всем свете не найти места лучше Тульчина и Тимановки.

— Приезжай к нам, друже! Мы тебе такие истории откопаем, нигде не услышишь! У нас Суворов жил. Сказов о нем в народе — во, целый ворох!

И Савва тогда же поведал мне, как в селе Тимановке старый солдат спрятал в 1918 году от наступавшего германца боевые награды своих дедов, а между ними серебряный рубль, полученный из рук Суворова. Спрятать-то спрятал, а найти не смог.

Но ни тогда, ни через двадцать лет не пришлось мне побывать в Тимановке.

В 1941 году в первые месяцы Великой Отечественной войны меня, раненного в бою подле Детского Села, привезли в Ленинград, в госпиталь. В одной со мною палате лежал с тяжелым ранением ноги офицер-украинец Василь Михайличенко. До войны он жил в Тульчине, часто наезжал в село Тимановку, знал там многих.

Над моей кроватью на стене висел вырванный из какой-то книжки портрет Суворова. Михайличенко, прикованный раной к своей койке, подолгу разглядывал изображение старого полководца. Он часами говорил со мною о боевых походах фельдмаршала, о блистательных победах русских солдат под его водительством.

И снова, как когда-то в 1920 году, я услышал сказ о суворовском рубле.

— Кончится война, приезжайте к нам, на Украину. Я покажу вам деда Нагорянского. Замечательный дед! — предлагал мне Михайличенко.

Слова Василя запали в мое сердце. Я не один раз вспомнил его рассказ, и чем дальше, тем сильнее мне хотелось заняться поисками утерянной награды.

Война окончилась, но дела не позволяли мне поехать в Тимановку, Василь Михайличенко оставался в рядах Советской Армии и находился со своим полком где-то за рубежом родной страны. Я решил пока что наладить с Тимановкой почтовую связь. Это было как бы подготовкой к поездке. Но мне хотелось ехать туда не праздным тури-

стом, не просто осмотреть исторические места, о которых с такой любовью говорили и Савва Сила и Василь Михайличенко.

Мне хотелось еще до поездки в Тимановку узнать, помнят ли там Суворова.

Купив с десяток брошюр о знаменитом полководце, я написал письма и разослал брошюры в подарок директорам школ Тульчина и Тимановки, председателю сельсовета, секретарю районного комитета партии. Я напоминал им, что через три года советские люди будут отмечать столетияшестидесятилетнюю годовщину со дня смерти Суворова, упоминал, что в Тульчине он написал «Науку побеждать».

Я призывал своих адресатов готовиться к этому знаменательному дню.

Прошло совсем немного времени. Колхозники села Тимановки пригласили меня приехать к ним погостить.

«Примем, как дорогого гостя», — писали они.

На этот раз я не мог отклонить приглашения и, взяв отпуск, осенью 1947 года выехал на Украину.

После теплой встречи, не откладывая дела в долгий ящик, я в сопровождении директора школы пошел по селу. Мы ходили из хаты в хату. Директор знакомил меня с хозяевами здешних мест, стариками колхозниками. Я жадно расспрашивал их обо всем, что сохранила народная память о полководце.

Вечером того же дня я встретился со старым колхозным садоводом, Никитой Яковлевичем Нагорянским. Еще долго до знакомства я уже много слышал об этом любопытнейшем человеке.

Весь род Нагорянских — потомственные солдаты. Немало своей крови пролили они в боях с врагами родной земли.

Никите Яковлевичу было уже за восемьдесят лет. Складом лица он напоминал Мичурину. Его спокойный, ласково улыбающийся взгляд, легкие, но крепкие руки не то садовника, не то музыканта усиливали это сходство.

После этой первой встречи я видел Никиту Яковлевича много раз. Мы с ним подружились. Но никогда позже я не глядел на него с таким удивлением.

Как мог он дожить до таких глубоких лет и сохранить в себе неисчерпаемые жизненные силы?

На вид ему нельзя было дать больше шестидесяти. Он ходил прямо, почти не сгибаясь, не знал ни посошка, ни палки.

Никита Яковлевич, сидя под отяжелевшими от плодов ветвями яблони, неторопливо рассказывал:

— Прапрадед мой, Петро Нагорянский, служил солдатом у Румянцева-Задунайского. С турками воевал. У Суворова тоже служил, в большие походы ходил с ним и против турок и против польских панов. Господь бог не обидел Петра отвагой. И храбростью не обошел его. Награды носил он от Румянцева да от Суворова. Эти генералы так просто наград не давали. Заслужи, брат. Расторопный солдат был мой прадед. В полку грамоту одолел, книжником стал. Ушел он в отставку, поселился в Тимановке, в яру, рядом с усадьбой помещиков Потоцких, стал плотничать. Во всей округе не знали другого такого мастера.

Еще помню: при царе Павле, так старики говорили, приехал в Тимановку Суворов. Приехал он, расположил свои войска лагерем у речки Рудницы, а сам со штабом в пять человек поселился в каменном домике, там, где теперь колхозный Суворовский музей...

Так дошла до меня история одной суворовской награды. Я записал ее. Вот она такая, какой услышал я ее от колхозного садовода.

...Петро Нагорянский узнал, что в Тимановку приехал знаменитый полководец.

— Так я ж под его командой мабудь годов с пятнадцатью гренадером служил, воевал с ним и турка и ляха! — сказал Петро своей старухе и, почистив старый солдатский мундир, прикрепив медали, отправился к штабу, где шло обучение солдат воинской науке.

Он хотел посмотреть на своего отца-командира, а выйдет случай, поговорить с ним.

Суворов любил старых солдат, всегда примечал их. Он сразу заметил отставного grenадера и приказал вестовому позвать его.

Офицеры, зная слабость своего командира, остановили ученье, скомандовали солдатам отдыхать, а сами окружили Суворова.

Gренадер подошел к фельдмаршалу.

— Помилуй бог, унтер! — весело рассмеялся полководец, вглядываясь в лицо Петра Нагорянского. — Как тебя зовут? — спросил он. — Постой, постой, сам припомню! Жив, старина, дышишь! На-го-рян-ский! — вспомнил он. — Так тебя кличут? Второй роты фанагорийского полка унтер-офицер! Так? — спрашивал он, обнимая старого воина.

— Отставной солдат фанагорийского полка Петро Нагорянский! — подтвердил старик, сдерживая набежавшую слезу.

— Да какой, братцы, лихой солдат! — кивнул Суворов штабным. — Толмачом-переводчиком в полку работал не хуже, чем штыком. Герой! С польскими жолнерами да с турецкими так по-ихнему чесал, чудо! А с молдаванами... «Плоешти, минарешти, бухарешти!» Не забыл еще, старый?.. — смеялся фельдмаршал, хлопая Петра по плечу.

— Ну, рапортуй!

Петро Нагорянский стал во фронт и, стукнув каблуком, отчеканил, как когда-то делал в молодые годы, где служил, в каких делах-сражениях бывал, в каких походах участвовал, где получил раны. Сказал, как Румянцев за Ларгу и Кагул его наградил, как сам отец родной Александр Васильевич Суворов пожаловал медаль за штурм Измаила.

Фельдмаршал похвалил старика, что пришел навестить его, показал на него стоявшим подле офицерам:

— Герой! Прославил свою мать-родину. Берите пример с него, русского солдата!

— А ты, кавалер, — сказал Суворов Петру Нагорянскому, — иди домой, накажи женке, пусть готовит обед, наш, солдатский: щи да кашу. Закончу ученье, приду к тебе, жди гостей!

Отставной гренадер хорошо знал своего генерала. У того слова не расходились с делами. Мешкать было нельзя. Петро вмиг ответил: — Слушаю! — стукнул чоботами каблук о каблук, повернулся кругом и зашагал к дому. Еще с улицы он закричал:

— Марфа! Скорей ходи сюда! Ты знаешь, кого я видел? Самого Суворова! Разговаривал с ним! Приказал ждать в гости, обед готовить — щи да кашу. Прибирай, старая, хату да готовь обед!

Услышав такие слова, старуха обмерла от страха.

— Знаменитый генерал и к нам в хату? Да ты никак рехнулся, Петро!

— Ты не знаешь его, старая! Толмач, говорит! Языком, словно штыком, работал, это он про меня! Вот как! Он такой!

Трудно было уговорить старуху готовить скромный обед.

— Надо делать господский, — настаивала она.

— Делай, что велят! Фельдмаршал приказал: щи да каша! Выполняй приказ! — стоял на своем гренадер.

Пришлось старухе уступить. Военный приказ, что поделаешь!

— Виданное ли дело, генералу и кашу!.. — тихонько, чтобы не слышал муж, ворчала она.

Наконец щи готовы, каша прееет в чугушке. В самый раз на стол подавать.

Старик со старухой ждут гостя, принарядились, прибрались. Петро посидел-посидел, не выдержал, вышел за плетень, стал глядеть вдоль улицы: не идет ли?..

А кругом народа, соседей, словно в праздник престольный. От кого неведомо, они прознали о высоком госте, собрались подле солдатовой хаты, осаждали плетни, того и гляди свалят их, судачат, ждут генерала.

Про ребят малых говорить нечего. Им больше всех надобно знать, где что делается. И вправо и влево — так и снуют. Кто посмелее — на деревья взгромоздились, высоко, высоко, под самый верх, смеются.

— Как пойдет генерал, прыгать станем, встречать, дядько Петро, дорогого гостя!

Но вот учение кончилось. В разных концах села солдаты запели песни, трубачи заиграли сбор «по коням».

Генерал, а с ним офицеры спустились с горы и через балку пошли напрямик к хате Нагорянского. Подойдя к ней, Суворов отпустил офицеров, оставив при себе одного, постарше годами.

Гренадер встретил гостей у калитки и повел в хату. Там, у стола, накрытого скатертью сурового полотна с петухами, стояла хозяйка.

Старушка улыбнулась гостям и склонилась в низком поклоне:

— Добро пожаловать к нам в хату, дорогие гостечки! — сказала она приветливо.

— Спасибо, хозяйюшка, на ласковом слове! — поклонился Суворов. — Герой твой старик!..

Глаза у хозяйки засияли гордостью. Она поклонилась в другой раз.

— Прошу отведать нашего хлеба-соли!

— Отведаем, пообедаем! — шутил фельдмаршал. — Поработали сегодня изрядно, устали, в самый раз обедать! — сказал он и сел на широкую лавку за стол. Справа от себя он усадил гренадера, слева — его жену. Но та, смутившись, сейчас же встала, приговаривая:

— Нет, нет, так не положено. Щи сами на стол не придут, а каша, хотя она и смазана добрым салом, а тоже ждет — подать ее, сама не хочет идти, барыня.

И ушла к печи за щами.

— Что же, Иван Егорович, опять тебе за даму со мною за обедом сидеть! — смеялся Суворов, показывая офицеру на место по левую от себя руку.

— Здесь главный командир — хозяйка! А потому первую чарочку выпьем за ее здоровье.

Суворов чокнулся кружка о кружку с гренадером, потом с офицером и заставил-таки хозяйку налить еще в одну кружку вина и проглотить каплю-другую.

Закашлялась старушка, раскраснелась, чуть слышно промолвила:

— На доброе здоровье! — и поставила свою кружку на угол стола.

Гости съели щи быстро. Суворов отменно работал деревянной ложкой и похваливал:

— Давненько меня так хорошо не кормили.

Каша понравилась еще больше.

За столом шла мирная беседа, будто встретились два друга, не видавшие много лет. Сначала заговорили о походах, о баталиях с турками, потом Суворов стал расспрашивать, как живут мужики, как пашут хлеб, много ли собирают с десятины урожая, как растут ребятишки, есть ли грамоте обученные. Видно, любил он ребят.

Пожаловался, хворают сильно солдаты, не привыкли к здешним местам. Лекарей мало, лекарств того меньше. А травушки-муравушки, разные там корсшочки да листочки, ой, как помогут! Собрать бы их побольше, а некому.

Так говорили часа два. Старик отважился и рассказал, как поспорил со старухой — какой обед готовить, господский ли, или щи да кашу.

Суворов смеялся.

— Ты, я вижу, умен! Знаешь, дисциплина — мать успеха! Угадал! Щи да каша, самая господская еда нашему брату, солдату.

Поблагодарив хозяев за хороший обед, он вышел из хаты. На улице его ждали мужики. Впереди стояли старики, солдаты-ветераны: кто в поношенном мундире, кто в крестьянском одеянии. У многих на груди виднелись боевые награды — за Очаков, Измаил, Прагу.

Увидев фельдмаршала, старики сняли шапки и низко поклонились. Суворов ответил на их поклон. Солдаты, будто по команде, вскрикнули:

«Здравия желасм, отец родной!» А «отец родной», не торопясь, шел, весело шутил, разговаривал со старыми солдатами, пока не перешел через мосток, а там, совсем рядом, штаб. Простился Суворов с народом и скрылся за дверью дома.

Случилось это, говорят, в субботу. На другой день с утра пораньше, до обеда, к хате Петра Нагорянского пришел солдат-гренадер. Мундир на нем, будто только от каптера, пуговицы начищены, огнем горят, бляха на ремне светит, что тебе солнце красное. Кивер у гренадера тоже на ремне, ветром не сдует. Крикнул он Петра Нагорянского:

— Выдь сюда, старичок!

Тот вышел.

— Что за вахт-парад перед окнами моей хаты? — спросил.

— А такой, брат, вахт-парад, что фельдмаршал, граф Рымникский Александр Васильевич Суворов зовет тебя с твоею женою прибыть к нему сегодня в пять часов пополудни на обед!

Петр Нагорянский хоть и не труслив был, но тут оторопел.

А вестовой, словно не замечая растерянности старика, обернулся и громко да грозно так выпалил:

— Понимаешь, кто зовет? Фельд-мар-шал! Приберись как положено.

Сказал и ушел.

— Что станем делать, старая? — спросил с опаской Петро свою жену.

— А что станем делать, старый! Наденем мундир, начистим поярче пуговики и пойдем, отобедаем, как промежду добрых соседей принято.

Герой Измаила снова надел свой старый солдатский мундир и вместе с женою вышел из дому. Соседи прово-

дили их, будто они уезжали из Тимановки в чужие края, надолго. Но не прошло и десяти минут, как они подошли к дому, где жил Суворов. Там, у самого крыльца, стояли ординарцы и солдаты-песенники. Совсем близко от них шумели деревенские парни и девушки. Они знали, генерал любил слушать по воскресным дням, как поют солдаты. А пели они хорошо и веселые и заунывные песни. Случалось так, что генерал не выдерживал и сам подпевал.

Подошли муж с женой к крыльцу. Навстречу им вышел, весело улыбаясь и приветствуя, сам старый полковдец и громко, чтобы все слышали, сказал:

— Здравствуй, кавалер Нагорянский, и ты здравствуй, солдатская жена, Марфа Сидоровна!

— Здравия желаем! — ответил молодецки Петро и застыл, словно услышал команду «Смирно». А солдатская жена, Нагоряничиха, сделала поклон и, подхваченная фельдмаршалом за руку, проплыла павой в штаб.

— Идем, Петро! — кивнула она мужу, скрываясь в дверях каменного дома.

— Ну, баба! — буркнул себе под нос гренадер и пошел вслед за женой.

Сразу сели за стол. Суворов угощал стариков, словно родных. Обед был простой: те же щи и каша да воскресный пирог, да горилка по чарке, по другой.

Поели щи с пирогом.

Фельдмаршал взглянул на гостью:

— Как щи, по нраву ли, Марфа Сидоровна? — спросил.

— Пирог хороший, нечего бога гневить, а щи у меня, не обессудь, наваристей!

Суворов рассмеялся.

— Спасибо за правду! Подвел меня повар Петька, уж я ему наказывал не жалеть сала. Говорил, хозяйка придет из знающих знающая, экзамен устроит. Подвел-таки, подлый!

Кашу Марфа Сидоровна одобрила:

— Рассыпчата, зерно к зерну. У меня и то не кажен раз такая получается.

Обед окончился, поговорили о том, о сем, стали расходиться. На прощанье Суворов подарил солдату рубль серебром.

— Не обессудь, унтер! — сказал. — Носи в память нашей встречи. Ты достоин большего за свою службу Родине, да долги хлопоты перед царем. Носи! Если кто обижать тебя станет, скажи мне, накажу обидчика.

Весть о том, что Петро Нагорянский гостевал у фельд-маршала, облетела Тимановку и все деревни верст на двадцать в округе. Когда Петро проходил по улице, все мужики снимали перед ним шапки. На что — гордец на все село — лавочник, и тот, видя через раскрытую дверь Петра, выходил на улицу и звал его в лавку посмотреть товары.

— Дешево отдам, Петро Никифорович, со скидкой против других. Ты теперь у нас знаменитый, могу и в кредит отпустить.

А помещик граф Потоцкий, узнав о событии, зазвал старика к себе и долго выпрашивал, о чем говорил с ним Александр Васильевич и как принимал его.

Спустя несколько дней Суворов прислал Нагорянскому сшитый полковым портным мундир. С той поры старику не давали покоя:

— Уважь, да уважь, Петро Никифорович! Заглянем в шинок!

Даже сельский староста побаивался его и первый здоровался с ним.

Да не из тех был Петро Нагорянский, чтобы занестись. Не закружилась его голова, и в шинок он ходил разве что на Николу зимнего да на Николу весеннего, а в остальные дни — ни-ни!

Петро Нагорянский хранил подаренный Суворовым серебряный рубль до последних своих дней. Он считал его

великой наградой. Этот рубль вместе с медалями Петра, его сына и внука сохранялись в семье Нагорянских как самое дорогое наследие...

Года за два, за три перед Крымской войной внук Суворова, Александр Аркадьевич, поехал на юг, в места, где жил когда-то его великий дед. Он хотел собрать все, что напоминало о делах его славного предка, хотел поговорить со старыми суворовскими солдатами, доживавшими еще свой век по селам и деревням вокруг Тульчина, записать их воспоминания о Суворове.

Александр Аркадьевич побывал в городе Тульчине, в знаменитой суворовской земляной крепости «Пражке», где в 1796 году его дед обучал русские войска, как побеждать врагов. Он объездил все места, где еще оставались заросшие лебедой и крапивой построенные солдатами Суворова земляные сооружения. Они хорошо сохранились. По ним опытный глаз военного мог легко восстановить, что происходило здесь лет шестьдесят пять назад.

Однажды рано утром к хате Нагорянских пришел сельский староста. Он приказал хозяину, отставному солдату Феодосию Нагорянскому, внуку давно уже умершего гренадера, собраться и идти к графу Потоцкому.

— Там тебя ждет генерал из Санкт-Петербурга, внук самого Суворова! — с важностью произнес староста.

Феодосий не заставил себя ждать, быстро собрался и заспешил к помещичьим палатам.

Генерал встретил его любезно, попросил показать подарок Суворова — серебряный рубль. Он осмотрел монету, почтал вслух надпись на ней: «Екатерина вторая императрица и самодержица всероссийская 1775 год».

— Дорогá тебе память? — спросил генерал старика.

— Дорогá! Мой дед получил ее из рук самого Суворова. Случались у нас в дому тяжелые дни, приходила лиходейка-нужда. Никто не потратил суворовского рубля.

Генерал похвалил старика, что так бережет суворовскую награду, и попросил:

— Уступи ее мне. Я хорошо заплачу тебе. Дам двадцать пять рублей ассигнациями. Деньги большие, пригодятся в хозяйстве.

Старик наотрез отказал.

— Мне не надо никаких денег. Не оценить этой высокой награды. Как мне отцом завещано, так и я завещаю моему потомству: сохранить навечно в нашей семье.

Ни уговоры графа Потоцкого, ни доводы сельского старосты, ни слова офицеров, сопровождавших внука великого полководца, не помогли. Старик стоял на своем. Он крепко сжал в руке серебряный рубль, потупил взор и, отвернувшись к окну, молчал.

— Ладно, если ты так крепко хранишь свой дар, прими от меня в награду вот этот рубль и храни его так же, как хранишь рубль моего деда, а заодно возьми и двадцать пять рублей, — сказал генерал.

Так остался в семье Нагорянских серебряный рубль, подарок Суворова.

...Настали тревожные дни 1918 года. Враги молодой Советской республики бросали свои войска против немногочисленных еще полков Красной Армии, против героических отрядов партизан. По всей стране жарким пламенем пылала кровавая гражданская война.

Дошла она и до Тимановки. Старший сын Никиты Яковлевича Нагорянского, потомка суворовского гренадера, комсомолец Иван, ушел из села с отрядом Красной гвардии.

— Иду, отец, защищать Советскую власть! — сказал он, прощаясь с родными.

Отцу с матерью нельзя было оставаться дома, в родном селе. Богатен и кулаки втихомолку грозились.

— погоди, скоро рассчитаемся с тобою.

— ...Собрал я свои пожитки, — рассказывал Никита Яковлевич, — и запрятал их в укромных углах своего двора: что в подпол, что в клуню, что закопал в землю, а сам со старухой и двумя меньшими сынами ушел в Тульчин, а потом в Винницу, к дочке. Укрепились наша, рабоче-

крестьянская власть. Вернулись мы в Тимановку, откопали свое богатство, а вот самое дорогое, боевые награды дедов и суворовский рубль, так и не нашли. Изменила мне память. Как ни старался, не мог вспомнить, куда спрятал. Много раз принимался отыскивать, переворошил весь двор, никаких следов, как в воду канули...

Все это рассказал мне старый колхозник во время моей первой с ним встречи в 1947 году.

Я предложил ему поискать реликвии его предков. Старик охотно согласился, и мы вместе пошли в обход по усадебному участку, заглядывая во все уголки. Никита Яковлевич вспоминал:

— Здесь вот, под завалинкой хаты, лежал в земле сундучок с добром. Откопал его. Здесь, в клуне, глубоко, глубоко хранился еще один сундучок, с вещами сынов. Тоже нашел. На погребнице кой-что схоронил. Опять-таки нашел. Все отыскал. Одного не припомню, куда сунул железный ларчик с медалями.

Обойдя весь участок, мы решили копать. Никита Яковлевич указывал место, куда он мог, по его мнению, запрятать свой ларец, я брался за лопату и копал. Так мы проверили много «подозрительных мест», но медалей не нашли.

— Что ты станешь делать! — огорчался старик, — кажись, помню, сюда опускал, и метка вон, глядите, а ничего нет.

Я уехал расстроенный не меньше Никиты Яковлевича, но полный решимости во что бы то ни стало отыскать суворовский рубль. Я не порывал связи со старым колхозным садоводом, писал ему письма, рассказывал в них, как важно найти утерянную награду.

Никита Яковлевич звал меня приехать к нему в колхоз и попытать счастья еще разок.

Прошло около двух лет. Я опять приехал в Тимановку и снова встретился с подюбившимся мне стариком. Я на-

шел его в колхозном саду. Передо мною стоял бодрый, крепкий, хоть и невысокого росточка, человек с той же доброй, с хитринкой в глазах, улыбкой.

— Опять реликвии шукать станем? — спросил он меня, едва мы успели поздороваться.

И мы снова стали искать затерянные сокровища. Перебрали все, что только можно было, перетрясли все носильные вещи, белье, переставили в хате с места на место столы, скамьи, шкаф из-под посуды. Посуду пришлось вытащить наружу. Осмотрели все щели и застрехи под полом, в ямах, на чердаках, погребках, в клуне, в сеннике, покопались на участке в новых местах, и все напрасно. Ларчик пропал. И пропал, видно, по-настоящему.

И снова я уехал, как говорят, «с таким» — ни с чем.

Еще через два года я все-таки решил возобновить розыски. Как мог пропасть небольшой ларец, если сохранились довольно-таки объемистые сундуки с дорогими вещами? — думал я. — Не может этого быть. Мы ходим мимо, а он лежит себе, покрытый пылью и мохом, и ждет, что мы наклонимся и возьмем его. Где же он лежит? — мучился я, стараясь разгадать загадку.

Я чертил на бумаге план усадебного участка Нагорянских, наносил на него карандашом все проверенные нами места, намечал, где следует поискать еще, чертил, стирал, снова чертил и, раздосадованный, разрывал его на куски, бросал. Проходил час-другой, я опять брался за лист бумаги и карандаш и начинал все с самого начала.

Нельзя отступать, рассуждал я, если неудача постигла нас и в первый и во второй раз. Мне вспомнился Суворов перед штурмом Измаила. На военном совете он сказал, что русские войска штурмовали Измаил два раза и оба раза отходили от крепости без результата. Теперь, в третий раз, русские должны умереть или взять ее приступом.

Меня всегда потрясала вера Суворова в могучую силу русского народа. Она же помогала мне преодолевать трудности в работе.

На этот раз Никита Яковлевич встретил меня, словно родного. В этот же день к нему приехал старший сын Иван, офицер Советской Армии, прослуживший в ее рядах тридцать лет. Прошло дня три, пока улеглась немного радость встречи отца с сыном. Никита Яковлевич заметил мое беспокойство.

— Загрустил, хлопец? — спросил он меня, щуря по-стариковски глаза. — Давай, побродим по участку, поищем. Я тут надумал, как лучше искать, целый, брат, план сочинил.

И он рассказал сыну, как мы несколько лет подряд ищем семейные награды рода Нагорянских.

— То, сынок, дуже важно! — доказывал старик. — Те медали с рублем серебряным, то ж наша дружба вековая с русскими братьями. Через нее мы живем. Через нее имеем силу. Понял?

Теперь мы копали уже втроем: Никита Яковлевич, его сын и я. Старик посвятил нас в свой план поисков.

— Не иначе как я сховал его вот тут! — показал он на запущенный участок земли позади коровника.

— Я так думаю, перекопаем его от края до края, а там поглядим. Здесь он, ларчик тот проклятуший!

Мы с Иваном взялись за лопаты, копали землю сплошным образом дня три подряд, измотались, устали и ничего не нашли.

Старик ходил подле нас, грустно покачивал головой, вздыхал и что-то ворчал себе в усы. Увидев, как мы, изможденные от непрерывной работы, упали на траву рядом с перекопанным участком, Никита Яковлевич хитро усмехнулся и сказал:

— Не журитесь, хлопцы! Я заведу здесь добрую бахчу. Не земля, а пух. Хорошо поработали!

— Подловил нас батька! — смеялся Иван, укоризненно поглядывая на отца.

— Чего там подловил! — оправдывался старый. — Работали по плану, шукали. А что не нашли, не моя вина.

Зато доброе дело спроворили, участок под бахчу подготовили. Ларчик, пропади он пропадом, поищем в другом месте.

Старик спрятал свой железный сундучок, как он говорил, «ларчик» в спешке, в темноте, покидая дом тайно, на долгое время. Пролетели годы, все забылось, покрылось мраком.

И в третий мой приезд, хоть мы обшарили весь участок и сад, все постройки и пристройки, ничего отыскать не удалось.

Расстроенный старик только и мог сказать:

— Наказал, видно, меня бог, помрачил рассудок. Здесь он, ларчик, на участке. Никуда я не увозил его отсюда. А куда сховал, убейте, не припомню.

Пять лет, посвященных поискам суворовского рубля, оказались безуспешными. Но я получил большую радость от бесед с Никитой Яковлевичем. Всю свою жизнь старик посвятил родному краю. В районе он слыл садоводом-мичуринцем, растил колхозный сад. Яблони, вишни, груши, абрикосы вырастали у него крепонькими, ветвистыми, многоплодными. Не одну тысячу фруктовых деревьев вырастил он за свою долгую жизнь.

— Тысяч за двадцать, мабуть! — говорил Никита Яковлевич.

— А сколько сортов вывел яблонь да груш, ей-ей сортов пятьдесят.

Погоревали мы с ним и расстались до нового лета.

— Слухай, Николаич! — говорил он на прощанье, виновато улыбаясь. — Ты приезжай! Я еще не сдаюсь. Отыщем мы с тобой ларчик. Даю тебе в том слово нерушимое. И сынам своим, офицерам Советской Армии, даю слово. Найду медали!..

...В солнечный апрельский день 1952 года неожиданно негаданно я получил из Тимановки телеграмму:

«Поздравляю находкой реликвий

Нагорянский»

Не телеграмма, а гром среди ясного дня. Сначала я растерялся, не знал, что предпринимать, потом бросил все дела, побежал на почту и спешно отправил Никите Яковлевичу ответ — те же четыре слова:

«Поздравляю находкой реликвий»

и — подпись.

Спустя несколько дней пришло письмо. Волнуясь, я вскрыл конверт и прочитал:

«Здравствуйте, уважаемый! Радуйтесь! Реликвии я нашел 10 апреля в восемь часов утра. Наши труды не пропали. Я вам обещал не умирать, пока не найду медалей и рублей, завещанных мне моими предками.

Я до конца своих дней жалел бы об утрате того, что хранил почти полвека. Если бы я не нашел суворовского рубля, меня назвали бы брехуном. Теперь я честный своему слову человек, а вы — герой своему настойчивому труду. Вы — хозяин найденных реликвий, а мне прикажите, куда их девать.

Я показывал находку нашему председателю колхоза и директору школы. Они очень заинтересовались, хвалили нас за настойчивость, обещали написать аж в Киев.

Передаю вам свой радостный привет и посылаю копию реликвий.

Нагорянский Н.»

Среди листков письма лежал еще один с перенесенными на него карандашными оттисками старинных турецких монет, медалей за победу при Ларге и Кагуле и суворовского рубля с датой: «1775-й год».

Невозьма описать глубину моей радости от этой находки. Неважно, что нашел ее не я сам. Гораздо важнее, что она найдена не музейным работником, не археологом или историком, а стариком колхозником, — думал я. — Он искал ее не как хозяин ценной вещи, а как ученый, как патриот своей советской Родины. Об этом можно судить по словам

его письма. Он ждал распоряжений, как поступить ему с находкой, куда определить ее.

Я перечитал письмо Никиты Яковлевича много раз и спохватился: в нем ничего не говорилось о самом главном, как же найден суворовский рубль.

Я немедленно написал об этом своему «представителю на месте» и потребовал дать подробный отчет, когда, где и как он нашел ларец.

На другой день я получил от Нагорянского второе письмо.

«...Извините, — писал старик, — только на днях послал вам телеграмму и письмо о находке реликвий и сделал маленькое упущение. Не написал самого главного: где же найдены медали.

Нашел я их на погребке, позади нашей хаты. Ларец лежал не в углу, как мы рассчитывали, а посредине балки, под самой подшивкой.

Пауки за эти годы соткали вокруг него такую плотную паутину, никаким глазом нельзя было разглядеть, что там за нею. Я и на этот раз прошел бы мимо, да в самой середине паутины сидел такой большущий паучище, как тот самый буржуй-капиталист, что я видел на плакатах в гражданскую войну.

Не выдержало мое сердце, закипело злостью, подумал я: «Сидят еще такие там, где капитализм бушует, и у нас по темным углам позатаились». Осерчал и махнул по пауку лопатой, что держал в руке. Паутина треснула. Гляжу, а за нею, весь в пылице, стоит на балке завернутый в тряпку ларец!

Что тут началось, не описать! Теперь жду ваших распоряжений...

Вчера выступал перед колхозом с докладом: как мы нашли суворовский рубль. Народу собралось тьма-тьмущая. Весь колхоз пришел. Председатель постарался. Дай отчет народу! — сказал.

Нагорянский Н.»

На этом можно бы и закончить нашу затянувшуюся историю. Остается только добавить, что вместе с Никитой Яковлевичем мы решили передать «родовые реликвии» Нагорянских — медали за Ларгу и Кагул, и суворовский рубль, и турецкие монеты тех героических годов в музей Суворова села Тимановки.

Месяца через два я получил от Никиты Яковлевича еще одно письмо:

«...Спешу поделиться с вами радостью. Ко мне приезжал журналист из Киева, из военного округа, и фотограф. Приезжали они по поводу нашего колхозного Суворовского музея. Расспрашивали обо всем, потом фотографировали вместе с внуками.

А три дня тому назад приезжал к нам, в Тимановку, генерал, а с ним четыре офицера. Прямо из Москвы. Тоже насчет музея. Меня ни о чем не расспрашивал. Два часа говорили с директором музея и все что-то записывали в книжечки.

А медали прадеда и суворовский рубль лежат под стеклом на столике в нашем музее. Много людей глядят на них, приезжают и читают, за какие подвиги знаменитые фельдмаршалы Румянцев да Суворов пожаловали их Петру Нагорянскому, солдату из села Тимановки, что на Украине».

ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО

Неподалеку от районного города Боровичи Новгородской области, боком к древнему озеру, раскинулось по скату холма село.

Когда-то здесь находилось поместье Суворовых — Кончанское. Само село со всеми избами, пашнями, лугами, выгонами и людьми, населявшими его, принадлежало знаменитому военачальнику, фельдмаршалу Александру Васильевичу Суворову.

Жители села рассказывали:

— Здесь, в Кончанском, кончались жилища карелов. Карелы пришли сюда с берегов северных рек, поселились в этих местах и не пошли дальше.

— Конец! — сказали они.

То ли конец их мытарствам, то ли конец всем им, карелам, привиделся в этом неприветливом суровом крае, не знаем, но только с незапамятной поры Кончанское означало «конец».

И в самом деле, куда ни глянешь — леса глухие, бескрайние озера, болота непросыхающие и камень, много камня; ни пахать, ни сеять мужику по-настоящему, вся земля усыпана камнями.

В 1942 году здесь, в новгородских лесах, укрытые дубами, ольхами, березами, соснами да мохнатыми посидельными елями, готовились к разгрому вражеских войск дивизии Советской Армии.

Воинская часть, в которой я в эти годы начал свою боевую службу, остановилась на дневку вблизи села Кончанского.

Взяв коней, я и еще несколько моих товарищей поскакали по знакомой мне дороге мимо озера к Кончанскому. У небольшого домика с надписью у входа: «Дом-музей А. В. Суворова» — мы спешились. Спустя минуту мои товарищи стояли вместе со мною в первой комнате и смотрели на белый фарфоровый бюст любимого народом русского полководца.

Над бюстом и позади него свисали старые боевые знамена.

Волнуясь, я читал вслух слова Суворова:

«Каждый честный человек должен иметь доброе имя. Я видел его в славе моего отечества».

Не о себе думал полководец, о славе народной.

«Покажи на деле, что ты русский!» — часто повторял он, обучая своих солдат.

В крохотных залах музея подле развешанного по стенам старинного оружия и гравюр с изображением суворовских батальонов толпились солдаты и офицеры.

В простенке между окнами под портретом Суворова я увидел столик, а на нем книгу. Я взял ее и стал листать.

Вот несколько записей из этой книги:

«Посетили музей, ознакомились с суворовским оружием. С таким оружием, как сейчас у нас, уверен — победим скоро. Суворов с нами заодно.

Боец Иванов».

Ниже шли строки ученого:

«Музей Суворова производит очень приятное впечатление. В дни Отечественной войны создать музей памяти выдающегося военного деятеля — большое политическое дело.

Заслуженный деятель науки
профессор Василий Карташев».

Еще ниже размашистым почерком было написано:

«С глубоким волнением переступил порог домика, где жил гениальный полководец. Невиданное дело — открыть в тяжелые дни войны музей-памятник великому русскому патриоту.

Подполковник Турляков».

Мы с жадностью читали отзывы об этом единственном в своем роде музее русской воинской славы. Мои товарищи разговорились с директором, молодой девушкой, педагогом-историком, и она рассказала, как во время войны был открыт в Кончанском музее Суворова.

Оказалось, в начале войны подле Кончанского остановился артиллерийский полк. Офицеры-артиллеристы зашли в домик, в котором почти сто пятьдесят лет назад жил сосланный сюда царем Павлом фельдмаршал Суворов. Они осмотрели комнаты дома и узнали, что еще в 1938 году колхозники Боровичского района задумали открыть здесь музей памяти своего знаменитого односельчанина. Война помешала им.

Офицеры рассказали в политотделе армии о своей находке и о замыслах колхозников. Не прошло месяца, как войска Волховского фронта взяли над домиком шефство и открыли в нем фронтальной музей Суворова. В те дни фашистские орудия гремели не так далеко от села Кончанского.

Первыми экскурсантами нового музея стали советские воины. Они посещали этот маленький, обшитый тесом домик с особенным интересом.

Отсюда солдаты и офицеры Советской Армии шли в бой с врагами родной земли, клянясь разбить и уничтожить их, как делал это вместе со своими чудо-богатырями, солдатами русской армии, Суворов.

Мои товарищи, обходившие со мною залы музея, знали, что я еще задолго до войны бывал в селе Кончанском. Они просили рассказать о «штурме» сел и деревень Боровичского района, предпринятом мною в 1938 году.

— Расскажите, как вы «штурмовали» Боровичский «плацдарм», — шуточно говорили они, имея в виду мои поездки в села и деревни этого района, когда мне удалось собрать множество вещей, связанных с именем Суворова и его сподвижников: старинное оружие, книги, гравюры, предметы домашнего обихода и утварь из усадьбы прославленного полководца.

Предложение заинтересовало меня. Мы уселись здесь же, в музее, и я рассказал, как колхозники села Кончанского и ближайших к нему деревень — Жуково, Румянцева горка, Лединка, Горлово и других — отыскивали и собирали суворовские вещи.

Впервые я попал в эти края в 1928 году.

Приехав сюда по заданию обкома партии на хлебозаготовку, я уже тогда понял: здесь, в селах Боровичского и соседнего с ним Любытинского районов, настоящий «суворовский край».

В селе Каменке в давние времена находилось родовое имение Суворовых. В сорока километрах от него, окруженное густыми лесами, лежало село Кончанское. В нем фельдмаршал коротал дни своей опалы, следил за успехами молодого французского генерала Бонапарта, готовился к встрече с ним на поле сражения.

Беседуя с учителями, агрономами и крестьянами, я узнавал, что в рассыпанных вокруг Боровичей селах хранятся самые разнообразные вещи, находившиеся лет 40—50 назад в суворовских усадьбах. Однажды старик крестьянин принес хорошо сохранившуюся, изданную лет за полтора до этого, книжку на французском языке. В книжке описывались знаменитые морские сражения старых лет.

— Эта книга от Суворовых! — сказал старик и осторожно, словно это была хрупкая вещь, подал мне завернутую в плотную бумагу книгу.

Там же я увидел стародавнюю медаль — солдатскую

награду за боевые подвиги. Правнуки суворовского солдата сберегли ее до наших дней.

В одном месте, говорили мне, хранятся книги из личной библиотеки Суворова, в другом — старое оружие, в третьем — комод, стоявший когда-то в доме полководца.

Пожилой ветеринар с чумацкими усами на бритом лице рассказал, что в одном сельсовете, близко от Кончанского, берегут одеяло из усадьбы Суворова с вышитыми шелком гербами его рода.

— Крестьяне сдали его в сельсовет на хранение, — говорил ветеринар.

Но я не мог в те дни заняться сборами суворовских реликвий. Поездка по селам Боровичского района не прошла бесследно. Я записал много интересных сведений, записал адреса людей, хранивших вещи из суворовских усадеб. Впоследствии все это очень пригодилось мне в работе.

Прошло десять лет. Я снова попал в эти места. Но теперь я приехал сюда уже не обыкновенным наблюдателем. Меня всегда особенно привлекало село Кончанское.

Здесь, в глуши новгородских лесов, почти два года прожил опальный полководец. Здесь он, честный, правдивый, мужественный, вел неравный поединок с царем: быть ли русскому русским или пойти на поклон к иноземным учителям.

«Русские прусских всегда бивали, — говорил он, — учиться нам у них нечему».

Не склонил Суворов перед царем голову. Прошло время, Павел вызвал его из Кончанского и сказал:

«Воюй, как умеешь, а я тебе мешать не стану».

Отсюда Суворов 6 февраля 1799 года выехал в свой знаменитый Итало-Швейцарский поход. В этом домике опальный фельдмаршал, кончанский ссыльный, стал главнокомандующим российской и австрийской союзнической армии.

Было от чего взволноваться.

Собравшись в 1938 году ехать в Боровичи, я разработал обширный план сбора всего, что окружало при жизни Суворова, что напоминало о его делах. Вместе со мною в Боровичи направлялся инспектор областного отдела охраны памятников.

Мы договорились обследовать места, связанные с жизнью Суворова в селе Кончанском, чтобы взять под государственную охрану наиболее ценные в историческом отношении, принадлежавшие некогда полководцу строения.

Рано утром мы уже находились в городе Боровичи, а спустя час вместе с директором местного краеведческого музея сидели в райкоме партии и беседовали с секретарем.

Секретарь одобрил наш план и тут же предупредил по телефону председателя сельсовета села Кончанского о выезде к нему комиссии.

— Ты мне не содействие оказывай, а сам в работу впрягись, помоги товарищам из области! — кричал он в трубку. — Оказывать содействие мы сами можем! Ты оповести народ о цели, с которой приезжает к вам комиссия, передай колхозникам — пусть приходят слушать доклад о жизни замечательного русского человека, вашего земляка, «графа Кончанского»! — добродушно пошутил он.

У меня не хватило терпения ждать своих спутников, и я укатил из Боровичей с первым автобусом, как пишут историки сувороведы, — «за два часа до рассвета».

Часов в 10 утра на двух легковых автомашинах подкатила к зданию Кончанского сельсовета обещанная комиссия во главе с секретарем райкома партии и председателем исполкома.

Вечером в сельском клубе в старом здании большого дома, где жил когда-то опальный фельдмаршал, собралось более двухсот человек колхозников, учителей, школьников, врачей, служащих.

Пришли в клуб старики — молчаливые, важные. Недоверчиво поглядывая по сторонам, они рассаживались в первых рядах, ближе к сцене.

— Тут лучше видать, да и слышнее, — сказал с усмешкой здоровенный дядька, потомок старинного рода суворовского пушкаря.

Еще в Боровичах, в кабинете секретаря райкома партии, мы вместе с инспектором отдела охраны памятников и директором краеведческого музея разработали подробный план сбора суворовских реликвий. Там же мы ознакомились с картой района, отметили на ней все необходимые нам «населенные пункты», сделали небольшие рабочие чертежики и обсудили, какими «средствами связи и передвижения» сможем пользоваться в нашей работе.

Как видите, подготовка шла самая настоящая.

Свой «штурм» мы начали с доклада о жизни Суворова. Директор Боровичского музея рассказал, как Суворов более полувека служил родной стране и народу.

Не все желающие могли попасть в небольшой клубный зал. Много мужчин, женщин и, особенно, детворы толпилось у открытых окон клуба. И все же стояла такая тишина, что, казалось, в зале было пусто.

Председатель райисполкома не выдержал и под конец промолвил:

— Так бы доклады о работе райисполкома слушали!

Вслед за докладчиком выступил я. Для начала рассказ о победе Суворова на Кинбурнской косе и о том, как он взял штурмом Измаил.

Только после этого я разъяснил собравшимся, что в Кончанском имеется все, чтобы создать музей Суворова, надо только собрать оставшиеся после его смерти вещи.

— Выходит, сюда к нам поедут из Новгорода и Ленинграда? — недоверчиво спрашивали меня колхозники.

— Со всех концов Советского Союза! — утверждал я. — Через год-другой вам придется встречать у себя гостей из Москвы, Киева, Минска, Владивостока, Ташкента, а может, и еще из более далеких краев.

Собрание закончилось поздно, а люди не расходились.

Со всех сторон раздавались требования записать адрес, где хранится та или иная вещь из усадьбы Суворовых.

— Запишите обязательно, — тормозил меня пожилой колхозник, — у Баташевой Варвары в подклети лежит старинный ручной жернов, а у Данилы Рожнова стоит диван, оттуда же, суворовский. Там же соха старая, тоже из усадьбы, сам видел.

Я не успел еще записать эти слова, как почти одновременно справа и слева от себя услышал:

— Не забудьте о подсвечниках кованой меди. Посеребренные. Два подсвечника... Они в деревне Жуково, у Михайловых. С семнадцатого года у них. И еще рамочка ореховая, резная, как изба. Тоже от Суворовых! Обязательно запишите! — настаивала молодая шустрая женщина. Позже я узнал, что ее зовут Ольга Скуратова.

— Я вам солонку принесу. Внук Суворова нашему деду подарил. Я мужу не скажу, принесу, пусть в музее лежит. И еще вещей разных суворовских соберу. У нас их невесть сколько по избам гуляет! — доверительно сообщала Ольга.

А с другой стороны протягивалась ко мне нетерпеливая рука, и глухой, сиповатый голос древнего, лет под девяносто, деда карела, потомка суворовских солдат, убеждал меня:

— Ты, мил-человек, не забудь пошарить у Федоровых, в Язвинке. У них комод от генерала стоит, с торгов купили годов с двадцать назад.

Предложения все сыпались и сыпались. Я записывал в блокнот названия деревень, фамилии колхозников, сведения о хранившихся у них вещах. В конце я почувствовал, что запутался, и прекратил записи.

— Хватит! — остановил я наступавших на меня почтителей Суворова. — Прошу завтра с утра зайти на почту. Я буду там и запишу все. Вместе станем отыскивать и собирать памятные вещи.

На следующий день комиссия уехала обратно в Боровичи, а мы с директором краеведческого музея занялись «черной работой». Но об этом стоит рассказать подробнее.

— Рассчитывать на самотек нельзя! — сказал я директору. — Сидеть у моря и ждать погоды — много не дождемся. Принесут колхозники десять, двадцать вещей, а пятьдесят останется по избам портиться, разрушаться.

Я надумал копнуть поглубже, поднять на это дело учителей и школьников старших классов.

— Задумали широко! — одобрил краевед.

— Вы поймите, — разошелся я в своих мечтах, — в каждой избе имеется один, а то и два школьника. А кто лучше их знает, что находится в избах? Там, где нет ребят, интересующие нас сокровища тоже не уйдут. Ведь ребята живут рядом. Они расскажут, что есть в соседних избах. От их глаз ничто не скроется.

Так мы и поступили.

Сначала собрали в сельсовете учителей нескольких сел и побеседовали с ними. После этого поговорили со школьниками старших классов, роздали ребятам открытки с изображением Суворова и просили помочь нам отыскать и собрать все, что только можно найти.

На другой день с утра мы пошли по избам.

Зашли в первую.

— У нас портрет Суворова есть! — торопливо выкладывал худенький, лет пятнадцати от роду, малец, школьник Кончанской школы, из тех, что только вчера прослушали наш «курс наук».

В углу справа, забранная в расшитые полотенца, висела старая, потемневшая от времени, литография — портрет Суворова.

— Мама, отдадим! — сказал наш юный спутник и протянул руку к портрету.

— Что отец скажет? — спросила, улыбаясь, мать школьника.

— Он доклад слушал, сам мне говорил: «Надо собрать, что интересней, музей открыть у нас на селе!» — Вот что он сказал, — волновался сын.

— Значит, надо отдать! — успокоила его женщина.

— Мама, еще медаль у нас старая, дедушкина...
— И ее туда же?
— Да!
— Без отца не выйдет!
— Так отец!.. — попытался возразить мальчик.
— Отец придет — сам решит, а ты попросишь у него, расскажешь, куда пойдет медаль.

Паренек на секунду стих, но тут же вновь встрепнулся:

— Вы не беспокойтесь, папа отдаст медаль. А вот у Лешки Покова книжки есть от Суворова, ох и книжки, во, толстые, сам видел! — показал паренек руками, какой толщины он видел книги.

— Пойдемте к нему! — предложил он, и мы пошли в избу к Лешке Покову.

Пока школьники узнавали, что из суворовского имущества хранится по избам колхозников, а учителя записывали в блокноты поступавшие к ним от ребят сведения, секретарь Боровичского райкома комсомола собрал свой актив из комсомольцев врачей, учителей и кооператоров помоложе годами и повел с ними «разъяснительную работу».

Глядя на это, не выдержали и любытинцы. Они решили не отставать от боровичан и всюду — в колхозах, в сельских учреждениях и на предприятиях — беседовали о жизни кончанского изгнанника, о боевом прошлом русского народа.

Дня через два начались сборы суворовских вещей. Размах работы превзошел наши ожидания. Поиски охватили территорию двух районов в радиусе до трехсот километров. Суворовские вещи для Кончанского музея искали в Новгороде и в Ленинграде, у тех, кто жил когда-то в Боровичском или Любытинском районах.

Сколько интересных случаев произошло в эти дни, сколько любопытных находок. И все — в порядке самодеятельности.

Я много думал над причинами такого отношения к памяти давно умершего полководца и понял. Большинство колхозников, агрономов, лесничих, ветеринарных врачей, фельдшеров, бухгалтеров, сельских учителей — людей самых различных профессий и специальностей Кончанского и ближайших к нему сел и деревень — потомки крепостных крестьян и отставных солдат Суворова. Их деды и прадеды проделали с фельдмаршалом замечательные военные походы в Италию и Швейцарию. Их деды и прадеды пронесли русские знамена сквозь огонь вражеских орудий, через ледяные отроги Швейцарских Альп: они победили не только сильного, могущественного противника, но самую природу.

И не удивительно, что их дети и внуки хранят светлую память о своем прославленном односельчанине.

В ста пятидесяти шагах от домика (историки называют его «полудомик»), где в холодное время года жил опальный полководец, начиналось село. До сегодняшнего дня сохранилось в прежнем виде несколько изб. Их возвели еще при жизни Суворова. В них часто отдыхал полководец. Сюда он приходил поговорить с крестьянами, которым отдал под запашку всю свою землю «до самых ворот двора». Здесь он появлялся иногда, как дорогой гость, на свадьбах, рождении, новоселье. Часто его видели в этих избах улаживающим семейные споры.

И всегда он делал подарки. Новоселье ли, день ли рождения, женится ли кто или замуж выходит, Александр Васильевич тут как тут. Он то посаженный, то крестный отец, то просто почетный гость, то — мировой.

— За почет платить надо! — хитро улыбался фельдмаршал и платил своим добрым отношением, разумным советом, нужными в хозяйстве вещами, порой деньгами.

Никогда не оставлял он людей в нужде без помощи.

— Сам погибай, а товарища выручай! — часто слышали крестьяне любимую солдатскую поговорку Суворова.

Одному он отпустит лес на постройку избы, другому поможет купить корову.

Особенно любил старый полководец кончанских ребят. Он запрещал родителям посылать на работу малолетних, заставлял ребят учиться грамоте, ремеслам, музыке, пению.

— За ученого трех неученых дают, а нам мало, давай шестеро, а то и поболее, всех побьем! — говорил Суворов малым ребятам, и те верили ему и с большим рвением брались за книгу.

Чтобы ребята могли заниматься успешней, он построил в Кончанском школу и сам обучал их грамоте, собрал из малолетков хор и руководил им.

Не раз дивились кончанские мужики, как сам батюшка Александр Васильевич Суворов играл с их ребятами в бабки, а то в городки. Бегает с ними посреди пыльной дороги, горячится, не хочет и в бабки сдать.

— Суворов баталий не проигрывал! — недовольно бормотал он под нос, выбивая с кона сразу десять бабок.

Как же после этого не любить кончанцам Александра Васильевича, как не помнить его, если и по сей день не потеряны с ним связи, если и по сей день по избам хранятся его подарки, награды, присловья, поговорки, песни, былины и сказы о старом годами, но вечно молодом кончанском жителе, победителе знаменитых генералов, полководцев и воителей. И помнили его, и любили.

В первые дни сбора мне принесли тоненькую книжечку Аничкова «Орлиное гнездо». В 1901 году, когда отмечали столетнюю годовщину со дня смерти полководца, все жители села Кончанского получили такие книжки вместе с большими портретами Суворова. Прошло более пятидесяти лет, а еще и сейчас можно найти в Кончанском и «Орлиное гнездо», и портреты Суворова.

Разглядывая принесенные вещи, я понял: нет, неправду говорили старые историки, что Суворов в селе Кончанском был забыт всеми, одинок и страдал от этого.

Нет, это неправда!

Суворов никогда не был одиноким. Его всегда окружала любовь простого народа.

В эти дни мне вспомнилось, как почти сто сорок лет назад мещанин города Якутска, чеканщик по профессии, Ефим Петров послал в дар Суворову небольшую серебряную иконку с изображением Александра Невского и надписью на славянском языке:

«Врагу оскудеша оружия в конец и грады разрушил еси. Погибе память его с шумом».

Простой ремесленник, чеканщик из далекого Якутска, выгравировал на обратной стороне иконки любопытнейшую надпись:

*«Всех
Российских
Императорских
войск
Генералиссимусу
Римско
Императорскому
Генерал-Фельдмаршалу
Князю Италийскому
графу
Александру Васильевичу
Суворову
Всенижайше приносит
плод трудов
мещанин
Ефим Петров
Февраля 5-го дня 1800 года»*

Я много раз любовался работой чеканщика из Якутска и всегда думал: какова же должна быть сила любви простого народа к Суворову, если достигает таких отдаленных мест, куда «три года скачи — не доскачешь».

Получив от колхозников книжку «Орлиное гнездо», я открыл ее и в самом конце прочитал:

«Долго еще будет жить в народной памяти маленький старичок в канифасном камзольчике, из уст в уста будут передаваться рассказы и легенды о его громких подвигах во славу русского оружия. Перемерут старики,

перемрут их дети и внуки, вырастут новые поколения, а все же это место будет во веки веков суворовской вотчиной... Народ любит и помнит своих героев и благоговейно чтит их святую память...»

А сборы суворовских реликвий продолжались.

Колхозница Скуратова принесла точеную из березы солонку. В давние времена солонка принадлежала Суворову. Он пользовался ею. Солонку вместе с хлебом и солью поднес своему деревенскому старосте, прадеду Ольги Скуратовой, внук Суворова, Александр Аркадьевич. Передавая ее в дар, он сказал:

— Мой дед любил эту солонку, храните ее и вспоминайте Суворова; пусть она приносит счастье и успехи в ваших делах.

Вслед за Скуратовой явился старый карел, тоже потомок суворовского солдата, Яков Иванович Пок, счетовод сельпо, «дед Поков», как его называли на селе.

— Вот, возьмите книги. Все из суворовской усадьбы.

С этими словами Яков Иванович выложил на стол пять штук старинных, хорошо сохранившихся книг по военной истории на иностранных языках.

Рядом с его книгами легла еще одна. Ее принесла семилетняя девочка Галя Иванцова.

— Это мама с папой прислала, от нашего дома! — объяснила она и вдруг застеснялась и покраснела.

Мы поняли, она покраснела от гордости за своего отца, за свою мать и немножко за себя: ведь они сохранили и передали музею старинную книгу из личной библиотеки Суворова.

Спустя пять-шесть дней Ольга Скуратова перед вечером вошла в избу, где мы устроили сборный пункт суворовских вещей, и молча положила на стол хорошо исполненную акварель с изображением сына полководца Аркадия, зеркало в старинной раме, сливочник и кованой меди кружку.

Потом она вышла и сейчас же вернулась в избу обратно, но уже не одна. Вместе с нею протиснулся в дверь

бочком упитанный юноша лет пятнадцати — сын Ольги. Он помогал ей нести опоясанный железными обручами сундучок.

Поставив сундучок подле стола с портретом и другими принесенными ею вещами, Ольга оглядела нас с гордой улыбкой и сказала:

— Всё из суворовской усадьбы, сама отыскала по избам.

В тот же день из Лединки привезли от Ксении Мосоловой старинные, отделанные бронзой часы и косарь.

— Пусть, — писала Ксения, — в Кончанском музее лежат, народу служат.

Колхозники несли много вещей.

— Берите, — говорили они, — пусть на хорошее дело идут. В музее и мы на них посмотрим, да и другие поглядят.

Отовсюду стекались в Кончанское суворовские реликвии. Ленинградский артиллерийский музей передал кончанцам из своих фондов много оружия, снаряжения, обмундирования, картин и гравюр. Все это имело самое непосредственное отношение к Суворову и его эпохе.

Увлечшись идеей создания в Кончанском музее, я отдал комиссии найденные во время раскопок в Измаиле и Очакове монеты, осколки ядер и целые ядра, старинную посуду, медаль за взятие Очакова и казачью саблю. Тогда же в руки комиссии перешла от меня редкая книга с длинным названием: «Рассказы старого воина о Суворове и его последнем походе в Италию и Швейцарию».

Скоро вещей стало так много, что руководившая всем делом комиссия, куда вошли колхозники, учителя и председатель сельсовета села Кончанского, решила: «Пора открывать музей!»

В воскресный ноябрьский день 1938 года в том же большом доме, где мы начинали свой «штурм», проходило еще одно собрание представителей от сел «Суворовского края».

— Товарищи, — говорил председатель, — прошу вас быть смелее, не стесняйтесь, предлагайте такое, над чем можно будет поработать с запалом.

И товарищи предлагали:

— Попросим Союз художников, чтобы написали больше картин о суворовских походах.

— И то правда, попросим! — И тут же составляли письмо в Союз советских художников.

— А то еще палешанам поклонимся. Они народ отзывчивый, сами мужики, хоть и художники.

Не откладывая дела в долгий ящик, горячие головы писали в село Палех и просили палешан отметить в своих произведениях великие дела Суворова и его чудо-богатырей, солдат русской армии.

А через месяц колхозники села Кончанского — «учредители» колхозного музея Суворова — слушали ответ палехских художников.

«Ваше письмо мы обсудили и вынесли такое решение: благодарить вас за доверие — это раз, включить в наш производственный план темы, посвященные А. В. Суворову, — это два и лучшие произведения закрепить за музеем Суворова в Кончанском — это три».

Комиссия не успокаивалась.

— Знаете что, обратимся в книжное издательство в Москву, пусть писатели напишут для школьников книги о Суворове, — предложила однажды на заседании суворовской комиссии Ольга Скуратова. — По правде говоря, нет у нас таких книг!

Через некоторое время кончанцы читали:

«Детское издательство ЦК ВЛКСМ получило ваше письмо и протокол общего собрания граждан села Кончанского... Спешим сообщить: скоро выйдут две книги о Суворове, и мы пришлем их вам в подарок».

Спустя несколько месяцев школьники села Кончанского увидели эти книги в своей библиотеке, а комиссия включила их в музейную экспозицию.

Народный комиссариат связи издал почтовые марки с изображением Суворова и его подвигов.

Старейший в стране завод фарфоровых изделий изготовил бюст полководца.

Театры поставили спектакль о жизни Суворова.

Киностудия сняла фильм о его славных делах.

Комиссия, которой колхозники села Кончанского поручили создать музей Суворова, не уставала действовать. И в фарфоровом бюсте полководца, и в спектакле, и в кинофильме о нем — была ее доля.

«Восстановим парк в усадьбе Суворова», — решила комиссия, и много людей, женщин и мужчин, молодых и старых, не только Боровичского, но и соседних с ним районов работали по нескольку дней, убирая старый парк, копая ямы, сажая новые деревья.

Школьники Кончанского и других сел соревновались между собой, устанавливая в парке скворешники.

За несколько дней они установили чуть ли не сорок маленьких деревянных домиков для птиц.

Так создавался в селе Кончанском колхозный музей имени славного сына нашей Родины — фельдмаршала и генералиссимуса русских войск А. В. Суворова.

Цена 1 руб. 95 коп.